

Зима
2025

SÖZDAY

#2

Kazakhstani Independent Literary Magazine

Поэзия

Айгерим Тажи
Виталий Сорокин

Проза

Александр Мендыбаев
Игорь Корниенко

Критика и переводы

Yasuhiro Yotsumoto
Илья Одегов

SØZDAY, №1 (02) 2025

LITPRAKTIKUM

Алматы

SØZDAY

Независимый литературно-художественный журнал

Основан в июне 2024 года

№1 (02) 2025

SØZDAY - международный литературно-художественный журнал, издающийся в городе Алматы, Казахстан. Журнал выходит 4 раза в год и публикует на своих страницах прозу, поэзию, эссе и литературные переводы.

Главный редактор: Илья Одегов

Зам. глав. редактора, редактор международного отдела: Айгерим Тажи

Редакторы: Владислав Резников, Ольга Капитова

Вёрстка: Дина Абдулхамид, Дмитрий Перели

Веб-поддержка: Алексей Талаев

СММ: Алия Нуржанова

Координатор: Жанара Аламанова

Оформление обложки: Айгерим Тажи

Сайт журнала: www.sozday.kz

E-mail: sozday@sozday.kz

*Редакция не имеет возможности вести переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Авторы несут ответственность за достоверность и содержание предоставленных материалов. Все материалы должны быть оригинальными и неопубликованными прежде. Мнения автора и редакции могут не совпадать. При перепечатке любых наших материалов ссылка на журнал **SØZDAY** обязательна.*

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	4
--------------------------------	---

ПРОЗА

Александр Мендыбаев — ЗРУНА, рассказ	7
Игорь Корниенко — ПТИЧКА, ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ, рассказы	11
Юлия Володарская — УГОЛЬКИ, миниатюры	29
Гала Узрютова — ВОЛЧЬЯ ПЫЛЬ, рассказ	35
Андрей Ладога — СНЕГА МЕДЕО ИЛИ 842, рассказ	39
Юрий Серов — ДВА СНЕЖНЫХ УТРА, рассказ	45
Андрей Егорин — ВОЗДУШНЫЙ ШАР, рассказ	50
Анатолий Батомункуев — ПОВОРОТНЫЕ МОМЕНТЫ, рассказ	55
Мария Омар — ЁЛКА С ТРУСАМИ, рассказ	62
Анна Черкасова — УЕХАЛ ЦИРК, рассказ	65

ПОЭЗИЯ

Айгерим Тажи — МЕСТО В РАЮ, стихи	71
Виталий Сорокин — РАССЕЯННАЯ ПОЭЗИЯ, стихи	78

ТЕОРИЯ

Илья Одегов — ЛЕГЕНДА О «МУСАГЕТЕ», эссе	87
--	----

WORLD

Yasuhiro Yotsumoto — SADO POEMS, стихи, авторский перевод с японского на английский язык	97
--	----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Вот и готов зимний номер нашего журнала SØZDAY — издания, объединяющего творческих людей со всего мира.

Зима — это время подводить итоги и ставить новые цели, время пауз и размышлений. Но вместе с тем, это сезон льда и холода, период, который побуждает нас искать тепло: в себе, в близких людях, в словах. В такой гармонии противоречий кроется особая магия, которую мы постарались запечатлеть в данном номере.

Эти страницы — для тех, кто в морозные вечера придумывает новые миры или с удовольствием погружается в них. Иногда такие миры похожи на страшные сказки, а иногда наполнены любовью и теплом. Порой кажется, что всё написанное происходило будто бы в реальности, а иногда, наоборот, смеёшься и удивляешься авторской фантазии. В этом номере вы встретитесь с Каином и Глорией, услышите легенду о «Мусагете», посчитаете ступени лестницы от Медеу до плотины, совершите полёт на воздушном шаре и побываете на японском острове Садо!

Вместе с вами мы понаблюдаем за тем, как создаются новые истории даже тогда, когда кажется, что мир застыл. Ведь каждый из нас — творец, и зима — идеальное время, чтобы вспомнить об этом.

Приятного чтения!

Илья Одегов,
главный редактор журнала SØZDAY

ПРОЗА

Александр Мендыбаев

ЗРУНА

рассказ

Его и ловить-то особо не ловили. Сам пришел. Адакиенко «капитана» обмывал. Только звездочки в стакан опустили, а его дежурный вводит. Так, мол и так. Явка с повинной. Мы не поверили сначала. Думали, Адакиенко нас разыгрывает. Дело шестой год в архиве пылилось. Понеслось, в общем. Сапарова из отпуска вызвали. Сапаров злой приехал, пьяный. Полковничий китель на майку с подсолнухами накинута. В столицу решили сразу не звонить. Ну его, к черту. Там же Михрибангиева по этому делу... А, знаете? Ну и отлично тогда. До трех ночи мы его допрашивали. Магнитофон притащили, камеру. В сортир попросился, выпустили. А тут, как назло, столичные нарисовались. Вот ей-богу, все в одном кабинете сидели, кто стукнуть успел? Не дежурный же. Тот ему никаких особых деталей не говорил, сразу к нам напросился. Ну а на следующий день суeta началась. Человек сорок ездило, проверка показаний на месте. Он, сучара такая, их по старым кладбищам развозил. И еще могилы такие находил, заброшенные, завалившиеся. Честно говоря, наши тоже такие могилы пользуют. Неопознанку всякую туда, бомжей, одиноких... Архивы в четыре дня перерыли, хоть бы одна могила за нами закреплена. Я сам на каждую эксгумацию ездил. Вроде за шесть лет... там одни кости остаться

Александр Мендыбаев родился в 1982 году в г. Алматы, Казахстан. Выпускник Казахской Государственной Юридической Академии, по специальности «Международное Право» (1999—2003). С 2015 года слушатель Открытой Литературной Школы Алматы им. Ольги Марковой. Автор романа «Ситеч», опубликованного издательством «АСТ: АстрельСПб» в 2025 году в сборнике «Сказочный Кошмар» (первое место в конкурсе платформы Litnet). Автор книги «Квартиранты», опубликованной издательством «Меломан Publishing» в 2022 году. Публиковался в журналах «Нева», «Волга», «Литературная Алма-Ата», «Esquire Kazakhstan», «Za-Za», «Дактиль». Выступил соавтором сценария к повести «Квартиранты», которая была экранизирована Продакшн Студией «Qara Production», фильм под названием «Взаперти» вышел в прокат в 2023 году. Проживает в г. Алматы, женат, воспитывает сына.

должны, но нет. Танатологи говорят — не больше трех месяцев. Тогда и зародилась надежда, что кто-то еще в живых остался. Увы. Всех девятих к февралю раскопали. Корниаш им полтрупохранилища выделил. Бабье царство, так он, кажется, говорил. Вот они там, в холоде и лежали. Какие только экспертизы не проводили, чего не делали. И у каждого эксперта — свои думки. Дружочек наш такое с ними вытворял, до сих пор вспоминать страшно. Брал он, к примеру, долото... хотя нет, давайте это опустим. Чаю хотите? Дружочек наш так вину и не признал. Виноват, говорит, лишь в том, что «Крумельвейс» дал им почитать. Что за «Крумельвейс» такой? Автор это или книга, мы так и не допытались. А допрашивали мы его, дай боже. Дело-то на всю страну гремело. Дядь Паша у нас тогда работал. Вообще-то он кореец и звали его Аркадий Сон. Только все его как дядь Пашу знали. Эх и боялись. Покрепче пресс-хаты боялись. Умел дядь Паша к разговору приобщить. Таких волчар колот... Вы это не публикуйте только, я так, откровения ради. Вот и нашего дружочка он прижал, жутко смотреть было. Там и столица, и прокуратура топили. Не до сантиментов. Разрешили не церемониться и на формальности внимания не обращать. Я его, грешным делом, даже спасал пару раз, когда дядь Пашу несло. Да и как не понесет, когда что ни день, эксперты такие подробности приносят, что и Гитлер двоюродной сестрицей покажется. А тот тоже заладил как попка — другой правды нет и все тут. Половину зубов уже у дядь Паши в камерке оставил, а твердит и твердит свое. Зруна, мол, виновата. Зруна эта в памятнике живет. На «Водонасосной» кладбище знаете, даже не кладбище, а погост, что ли. С десятков могил, его уже в пятидесятых закрыли. Ну, как не знаете? На въезде в город. Напротив еще монастырь был, а с правой стороны — скотомогильник. Вот там Зруна, якобы, и жила. Памятник гранитный, огромный. Мы все, что могли, перерыли, даже в газете объявление давали, а хозяев так и не нашли. И эксгумацию делали. Никакой Зруны там не нашли. Кости, правда, были. Кошачьи. Может и обманул нас дружочек. Может показаться решил. Стоит на ветру в своем пальтишке коричневом, глазками луп-луп. У него очки — вот такенные телевизоры. А глазки маленькие, как горошинки. Снимет очки, так и вообще глаз как будто нет. Тихий он был, мирный. Зачем убивал, так и не признался. Ни дядь Паши не боялся уже, ни то, что устроим родне проблемы. Да и родни-то у него... то ли сестра где-то на севере, то ли сноха. Если кто и был, то отреклись при первых же известиях. Девки-то те, из бабьего царства, они, что сиротки были. Все приезжие, все от родни свою работу скрывали. Две

из них интимные услуги оказывали. Продавщица еще была, санитарка Карнаухова, потом эта, как ее, сожительница, из-за которой Михрибангиева «оцинковали». С сожительницей вообще хохма. Дядь Паша, когда с Михрибангиевым «работал», надо было тело «найти». Взяли из морга какую-то бабу, отвезли на шестьдесят четвертый карьер, там прикопали. Ну ему карту в руки, то да се, покажешь, мы еще собачками прочедем. Разыграли как в филармонии. Михрибангиев, помню, ухмылялся, спрашивал, чего моложе не нашли? Я его тогда крепко за наручник дернул, бордель ему что ли? Кто был в морге, того и дали. Зря вы на меня так смотрите. Будете осуждать или фамилию укажете, от всего отбрехаюсь. Михрибангиев у нас по двум износам проходил, вот и прихватили на авось. Что еще вам рассказать? Дружочек нас все просил, умолял поскорее в расход. Сам он, видите ли, не может, потому как тогда к Зруне этой чертовой попадет. Боялся он Зруну страшно. Шесть лет жил себе, поживал, а тут, видите ли, снова выбралась. Да и нас с делом торопили. Тогда уже журналюги все пронюхали, проныры... Ну что вы глазки красивые закатываете, у вас тушь с ресничек сыпется. Ничего, если еще закурю? В общем, прокуратура сказала, дело до июльских праздников закрыть. Дружочек нам сильно подсобил, бумажки все подписывал не читая, адвокат особо тоже не залупался, дело к концу шло. Про сову и глобус слыхали? Вот это про нас, точнее про то дело. Возникли, правда, правозащитники херовы. Как-то к нему проникли. Говорят, (это уже он нам по-свойски поведал) — прямых улик нет, давайте дело переиграем, выйдете на свободу. Тот с криками и ужасом к нам прибежал. Расстреливайте, мол, скорее, а то ничего говорить не буду. Ну я Сапарову доложил, а Сапаров — генпрокурору. Генпрокурор на миграционку надавил так, что визы приедем в полдня аннулировали, ну а местных слегонца поприжали. Был шум, конечно, да улегся. Дружочка нашего благополучно этапировали. Правда, меня к нему возили потом, через год. Доверял он мне, что ли, а может попрощаться хотел. Все такой же, вихрастый, рябенький, очечки, правда, новые справил. Я ему пряников привез, он пряники страстно любил. Два часа с ним проговорили — о лошадях, о волейболе. В шахматы даже сыграли. Не жалеешь, спрашиваю, что оговорил себя? Он лишь плечами пожимает, да пряниками давится. Улыбнулся потом странно, так странно, что у меня в пояснице защекотало, и говорит, что не завидует тем, кто здесь, на земле-матушке останется. Мол, Зруна такое устроит, что я его еще ни раз припомню. Когда уже уводили, я спросил напрямую — он ли девчонок погубил? Тот ничего

так и не ответил, лишь улыбнулся криво. Потом к нам копию «краснухи» прислали, в дело подшить. Мол, приговор приведен в исполнение, дело надлежит закрыть в трехдневный срок. Не сказать, что я во все это верю, сам же знаю, как дело «шили». Там и вправду ни одной прямой улики. Да и физически он такое сотворить вряд ли мог. Но ведь знал же, чудик, кто из них где лежит, знал и показал. И сам пришел, с повинной. Хрен бы мы на него когда вышли. Псих ли был, соучастника покрывал — мне неизвестно. А что Зруна? Хотел я как-то на пенсии прошвырнуться на «Водонасосную», памятник посмотреть — ни за что туда теперь не добраться. Бетонные стены, колючая проволока. Через «бывших» пробил — особо-охраняемый объект. И больше никакой информации. А сплю я крепко. Ни Михрибангиев, ни дружочек наш мне не снятся. Сапаров, правда, недавно снился. Пьяный, в семейный труселях. Ну снился и снился. Помер, небось, давно.

Игорь Корниенко

ПТИЧКА, ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ

рассказы

ПРАВИЛЬНО УПАВШИЙ СВЕТ (КАКТУСИХА)

Во всём виноват кактус. В семь лет Глаша занозила пальчик крохотной иголкой от крохотного подоконного ёжика и стала ждать, когда, наконец, уснёт мёртвым сном, из которого пробудит поцелуй прекрасного принца. Принцем обязательно должен быть Костя Липкин из 2 «А» класса. Только Костя в её сторону даже не смотрел, засыпая, Глаша всегда просыпалась, а место занозы болело, потом опухло, воспалилось, загноилось, и подружка-одноклассница Юлька сказала, что, если пойдёт Глаша к врачу, ей стопроцентно отрежут палец, «и будешь вечной уродкой».

Вечная уродка — приговор страшной какой-то там занозы и опухшего пальца.

Юлька продолжает, Юлька прогнозирует заражение крови и мутацию:

— Станешь похожей на кактус, зелёной, и вся в иголках. Кактусихой.

Глаша не верит, Глаша смеётся, и в ту же ночь ей снится, что её закапывают в землю, как какой-то саженец, цветок... Кактус. Глаша не может ни пискнуть, ни пошевелиться....

А утром мама говорит:

— Что такое Глаша, ты зелёная вся, никак заболела?.. — мама трога-

Игорь Корниенко — родился в 1978 г. в Баку, республика Азербайджан. С 1994 года живет в Ангарске (Иркутская область). Прозаик, драматург, автор книг прозы: «Победить море», «Игры в распытие», «Завтрашние чудеса». Лауреат Всероссийской премии им. В. П. Астафьева и Шукшинской литературной премии. Член Союза писателей России, союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра.

ет горячий лоб дочери, мама говорит, — никак, и ты подхватила этот вирус, температура, и жар вон какой.

Глаша боится показать загноившийся пальчик, Глаша знает, маме это не понравится. Глаша плачет. И боится взглянуть в зеркало... Юлька была права, если не уродка, то мутант, девочка-кактус, вот её будущее, и никакого прекрасного принца, никакого поцелуя и чудесного, счастливого пробуждения...

Пульсирующая боль перешла из пальца в голову, вынудила, показала больной пальчик маме Глаша. Палец был спасён иглой и водочным компрессом под слёзные мольбы и обещания слушаться маму.

С Юлей Глаша не разговаривала целый месяц, и в школе за Глашей закрепилась кличка Кактусиха.

Время не изменяет. Если в первом классе ты тихоня и ботан, в одиннадцатом нулевая вероятность, что ты звезда класса и школы, ты такой же тихоня и ботан только старше на десять лет. Вот и Аглае уже двадцать пять, а она всё такая же: замкнутая, стеснительная тихоня, трусиха, Кактусиха.

До сих пор дружит с Юлей, растрезвонившей в далёком прошлом на всю школу о сложных взаимоотношениях Глаши с кактусом. И сейчас Юля нет, да уколет одноклассницу, а теперь — подчиненную, скажет:

— Ну правда, Глаша, что у тебя за балахон вечно до пят, и с причёской что? Вечно эта чёлка на глаза, ещё очки свои, бинокюляры как напятишь, так совсем караул, туши свет. Ну никого прогресса со школьных времён. Ну правда, Аглая Петровна, тебе скоро двадцать семь, — Аглая Петровна не поправляет, Юлии Львовне, начальнику рекламного отдела городской телекомпании «Пульс ТВ», прекрасно известно, что Аглая младше неё на восемь месяцев, Аглая Петровна вздыхает, ошетиливается, прячет глаза под рыжей чёлкой.

— Я бы давно тебя в эфир пристроила, ведущей той же погоды или даже криминальных новостей, но ты на себя посмотри, ну как есть Кактусиха, ну, ей богу!.. Поэтому и сидишь на телефоне, рекламу принимаешь, зачем скажи тогда универ заканчивала на отлично, не пойму, ну?..

Аглая говорит:

— Да, чего уж, всему своё время...

— Время кактусов и крокодилов, всё правильно, — фыркает начальница, — отвечай лучше на звонки.

Аглая и отвечает отрепетировано, на автомате: «Рекламный отдел

„Пульс ТВ“, здравствуйте». Аглая убеждена с детства, что во всём виновата та заноза, виноват кактус.

— Это проклятие кактуса. Суккулент чёртов. Заразил меня. Усыпил. А разбудить некому... — выговаривает Аглая кактусу детства, разросшемуся в большом пластиковом горшке, сменившему за все эти годы с десятков горшков и квартир.

Аглая ушла из дома, где мать разговаривала с цветами в горшках, но не с ней, как поступила в Иркутский госуниверситет, на кафедру журналистики. Жила в общежитии, потом у родственников, снимала квартиру в Иркутске, снова общежитие, комната на подселение, съёмная квартира в Ново-Ленино, опять общежитие и снова съём... Неизменным спутником, собеседником — кактус. Эхинопсис, так определила ещё со школы хозяйка растения, обнаружив копию своего «ежа» в энциклопедии.

Мама велела держать кактус всегда при себе, «пусть растёт вместе с тобой», по словам родительницы, колючки отгоняют нечисть, отрицательную энергетику, ионизируют воздух и очищают пространство, меняют минус на плюс.

А с появлением компьютера кактус стал обязательным соседом-стражем, на столе у монитора, фильтрующий вредные излучения.

— Будет твоим оберегом, — наказывала мать, — целыми днями у компьютера, вот пусть вместо талисмана тебе, я его ведь специально для тебя тогда принесла, в подарок, украла, можно сказать.

— Почему не фиалку, не герань на худой конец? — спрашивала взрослая Глаша у старого кактуса, — странный выбор, странной мамы.

Мама стала странной после молчаливого развода. Развод случился в тот же год истории с кактусом. Папа, как запомнила дочь, собрал вещи в чемодан и, не произнеся ни слова, ушел от них навсегда. Мама, в отличие от папы, не молчала. Она бегала за мужем, выхватывала из его рук его вещи, бросалась драться, кричала:

— Кто она, скажи?! Звери вы проклятые! Да чтоб вы сдохли вдвоём!

Глаша плакала и выбросила в окно кактус вместе с горшком, во всём был виноват именно он, отвратительно зелёный, колючий...

На утро кактус вернулся на подоконник, мама подобрала его:

— Пусть растёт вместе с тобой, как напоминание, что на свете только мы друг у друга. Ты, я и этот кактус. А про отца чтобы ни в жизнь я не слышала!

Мама больше не пела, моясь в душе, не ставила на репит любимые песни, не смеялась громко, не играла с дочкой в монополию и поле чудес, не смотрела мелодрамы... Мама увлеклась комнат-

но-декоративными растениями. По всей квартире и в туалете с ванной — горшки с цветами: это и орхидеи всех цветов и оттенков, и пальмы с алоэ, каланхое с драценой, декабристы и цикламен, аспарагус и мирт, гибискус и комнатный гранат, традесканция, фикусы, азалии, геснерия, дисхидия... панданусы свисали с потолков и бегонии...

Поэтому уход Аглаи прошёл для матери совсем безболезненно, в заботе о цветах, за которыми «уход и уход, глаз да глаз нужен».

— Кактус свой не забудь, — напомнила только мать, не отрываясь от поливки новоприобретенных лиан, — пусть вместо меня смотрит за тобой!.. Ты уже большая, с ложечки кормить не надо, не цветок в горшке, это точно, не завянешь...

— Не завяну, — согласилась дочь, и теперь каждый раз на новом месте ей снится всё тот же сон с детства, снится, что её закапывают, сажают в огромный горшок с чёрной землёй, засыпают по самое горло, только теперь она узнаёт эти руки её закапывающие, эти руки нельзя не узнать, руки матери...

Работа, на которую пристроила Юлия, как-то пару лет назад, «вдруг обнаружила твой номер в сотике, думала стереть, но хорошо, что позвонила», должна быть временной, считала Аглая, обустроиваясь на новой съёмной квартире.

— Наберусь сил и брошусь в бой, — говорила с кактусом, — Юлька, конечно, та ещё дрянь, и я когда-нибудь ей это выскажу, всё припомню, особенно Кактусиху.

Кактус обзавелся десятком «детёнышей», безучастно и безразлично смотрел на хозяйку с солнечного подоконника. Колючий сожитель продолжал выживать, все эти годы поливаемый остатками горячего чая и кофе, Аглая привыкла выливать в горшок все излишки ещё с первых лет жизни в общежитии с одной раковиной и унитазом в крыле... Да по юности, когда баловалась сигаретами, тушила в горшке бычки...

— Думала, ты так быстрее заглёшься, — честно признавалась и не раскаивалась Аглая, — а ты, погляди, какой живучий. Меня, наверное, точно переживёшь, — недопила зеленый чай, выплеснула ещё дымящий напиток в горшок.

— Ничего личного, — безразлично и безучастно бросила через плечо Аглая.

И ночью кактус забрался к ней в постель...

Сон был настолько реальным, что Аглаю потряхивало на утро, и на

работе всё ещё дрожали руки и голос:

— Я проснулась, вот что, проснулась оттого, что кто-то ползал по мне, забрался под одеяло, я откинула одеяло и закричала. Кактус, как змея, только зелёный и с колючками в ногах, с криком бросился на меня, вонзился... А я боюсь схватить его, он ведь колючий... А он вползает в меня всё глубже, чувствую его внизу живота... Всё горит у меня там... Понимаешь?..

Юлия Львовна, улыбаясь, долила остатки коньяка в кофе Аглаи:

— Ну чё тут понимать, мужик тебе нужен, вот и весь разговор. Ох и рассмешила с утра. До слёз ну... Не ошиблась я значит, точно Кактусиха. Сейчас ещё, смотри, Кактусёнка выносишь, родишь, вот умора-то будет...

Из кабинета начальника рекламного отдела Аглая вышла ещё больше зарёванной, расстроенной, ещё более униженной, растоптанной. Не помог ни разговор по душам, ни коньяк в кофе.

— У меня до сих пор там болит, — тихо, испуганно, по секрету, призналась старой подруге, — будто не сон это был...

Юлия привычно «нукнула», привычно отмахнулась, привычно посоветовала:

— Ой, ну мужика найдёшь, и все боли пройдут. От недотраха все эти сны и болячки, ну, поверь мне, опытному специалисту... И давай за работу уже, телефон с утра самого разрывается, того гляди, тебе туда тоже заползёт, вон, как раскалился...

Глаза под очки, под чёлку, сторбившись, съежившись, за стол к разгневавшемуся, истерившему телефонному аппарату.

«Сука, сука, сука», — ругая себя или подругу, или кактус, или такой реалистичный сон, Аглая, шагая к телефону, сняла трубку и едва не сказала это в микрофон:

— Сук... э... рекламный отдел «Пульс ТВ», здравствуйте.

Жить на автомате, говоришь и думаешь — всё одно повторение, даже желания и мечты на повторе, не обновляются, по умолчанию, как одна дорога от дома и до дома, среди всё тех же неизменных домов, лиц, деревьев, собак... Неприметная, как и кактус на подоконнике. Кактус, как само собой разумеющееся, что он есть, что его нет... Так и она в своей непримечательной серости, серая юбка, блузка, серый платок, серые мысли и выражение лица... серость с чёлкой на глаза, чтобы и смотреть на всё сквозь волосы и мир не чётко, мир сер...

Домой Аглая пошла не сразу, долго ходила вокруг, разглядывая про-

жилки, морщинки на асфальте. Представляла, как отомстит Юлии, выскажет всё, как выскажет всё матери и отцу. Отцу она уже не раз пыталась сказать всё, что о нём думает, звонила на его сотовый, слышала голос, давно забытый, но странным образом колющий сердце, давала отбой.

Представление о мести сводилось к банальной ругани. Крикам, обвинениям, сотрясению воздуха... На что-то более мстительное рука не поднималась.

— Всему своё время, — подмечала философски.

Мстить начнёт с кактуса, главного виновника всей её такой нескладной, невидимо-заурядной, колючей жизни.

Утешившись мыслями о мести, Аглая решительно зашла в квартиру, на ходу разулась, прошла на кухню, включила чайник. Пока шумела электрическая колба, разделась. Вода закипела, и с чайником Аглая прошла в зал к подоконнику, где за шторами один-единственный горшок с цветком.

— Давно пора было избавиться от тебя, никакой ты не оберег, не талисман, — свободной рукой распахнула штору. Кактус смотрел на хозяйку мохнатой шишечкой, завязью. Пушистая почка почти на самой верхушке ежистого кабачка в окружении десятка колючих деток — ни что иное, как будущий цветок.

— Не может быть?! — первая реакция Аглаи с дымящим электрическим чайником в руках, — я тебя два десятилетия травила, по уму ты должен был зачахнуть и погибнуть, лет, не знаю, пятнадцать назад... А ты вот как, цвести задумал. Ни в жизнь не цвёл и тут...

Поставила чайник рядом с горшком, опустилась на колени. Под таким углом кактус смотрелся величественным и грозным, колючки в солнечных лучах светились и делали неприглядное растение невероятно красивым, чудо-кактусом...

— Не понимаю, что у нас общего? Честное слово ума не приложу...

Поднялась, в прихожей большое зеркало на стене, зеркало, в которое она не любит смотреться, боится?..

— Чего тут бояться, — ответит Аглая, — когда смотреть не на что.

И вот это «не на что смотреть» сегодня, сейчас, взглянуло на неё иначе и выглядело по-другому.

Может свет так хорошо упал?..

— Правильно упавший свет преобразует, — полушепотом отражению, — всё дело в свете, да. Во всём виноват свет! Чёрт, точно! Свет! Во всём виноват свет!

Рассмеялось, закружилось отражение в зеркале, Аглая прокричала

кактусу:

— Так уж и быть, слышишь?! Если ты и вправду зацветёшь, я постригу чёлку!

Отстригу её к чёртовой матери!

Вернулась к подоконнику и вылила половину чайника в горшок с суккулентом.

Вылила половину чайника в горшок с суккулентом и тут же пожалела об этом? Нисколько. Кактус в доме должен быть один, безжалостный, смертельно колющий... И этот кактус — я!

Написала в тетради подписанной: *Неопубликованные, недописанные статьи и заметки в стол несостоявшейся журналистки «А».*

Первая половина общей тетради заполнена статьями о волнующем, тут и повышение на коммунальные услуги и проезд, трогательная статья про слепую художницу и не менее трогательная история о брошенных собаках... И с каждой статьёй всё скудней слог, всё чаще штампы и небрежность... Другая половина: «Записки ни о чём», «пустое», «выплеск негатива»...

И этот кактус — я!

Зачеркнула восклицательный знак поставила вопросительный — «*И этот кактус — я!?*». Закрыла тетрадь, но не прошло и мгновенья открыла зачеркнула знак вопроса — «*И этот кактус — я!?!...*» — поставила троеточие...

Долго, до темноты, любовалась в интернете на цветки кактуса, потом достала детскую коробку с хламом из прошлого, оттуда заколку с отвратительным, как считала раньше, ядовитым красным бантом, не глядя прицепила цветок на чёлку, но тут же передумала и перецепила заколку на макушку.

— Вот так, — сказала, — цвету и пахну.

Спать легла с цветком на голове, не боясь, что кактус снова пробьётся к ней в постель, в неё...

— Кактус здесь я, — бормотала, просачиваясь сквозь простынь в пространство алогичного Морфея, — кактус здесь...

Аглая проспала впервые в жизни. Не слышала ни будильник, ни соловьиный, разбудило солнце.

10:30 — ошпарило хлеще яркого светила. Аглая собралась за мину-

ту, не почистила зубы, не выпила кофе, не взглянула в зеркало...

Двадцать пропущенных звонков от Юлии и восемь смс с требованием немедленно объявиться или уволняться нах...

— Аглая Петровна, — Юлия встретила опоздавшую сотрудницу на крыльце, — это моя десятая сигарета, — стрельнула бычком в Аглаю, — тебя что снова кактус поимел, да так отменно отжарил, что счёт времени потеряла?! И что это за видон, ну?! Что за позорный, бабкин цветок на башку прицепила? Ты себя хоть видела? Красотка! Или что, Кактусиха, никак, зацвела?!

Всего на мгновение Аглая опустила глаза, на миг растерялась и едва не отступила, миг, и Аглая смахнула с глаз чёлку резким движением головы, миг, Аглая смотрит в глаза женщине напротив, миг, и правильно упавший свет преобразует Аглаю. Изменяет. Трансформирует...

Юлия Львовна не узнаёт бывшую одноклассницу, подругу, над которой всегда можно подшутить, посмеяться, не узнаёт сотрудницу рекламного отдела, это не та Аглая: затюканная, слабовольная, бесхарактерная, невидимая...

Миг, и Аглая, окутанная солнцем, с горящим, кровавым заревом над головой говорит:

— Пошла ты! Бездарная, беспардонная, бездушная сука!

Миг, Аглая касается указательным пальцем плеча Юлии, легонько, едва ощутимо.

— Ай, — вскрикнула Юлия, — ты, ты что меня сейчас током ударила? Или укол...

И ещё раз прикоснулось пальцем Аглая, на этот раз к обнаженной шее начальницы, бывшей начальницы.

Юлия Львовна шлёпнулась на ступеньки крыльца, белой юбкой на грязный бетон. Зевнула Юлия, потянулась, от души вытянув руки, что хрустнуло в спине, снова зевнула, сняла новые лабутены, выбросила, подмигнула Аглае и, свернувшись калачиком, мгновенно уснула.

Время спать и время просыпаться.

Аглая сняла очки-бинокляры, оставила на ступеньке рядом со спящей. Смотреть на палец она не будет, решила, и так понятно, что там. При правильно упавшем свете можно и на пустом месте разглядеть много чего нового и неожиданного...

Пошла по солнечной стороне улицы Аглая навстречу солнцу и новому дню, на ходу достала сотовый открыла контакты.

«Мать», «Отец» два родственника, два контакта рядышком друг с

другом и так далеко друг от друга. Закрыла глаза Аглая, не глядя, прибывая в колючей солнечной неге, нажала на один из номеров.

Длинные гудки вызова, долгие, бесконечные и, наконец, недовольно заспанный голос:

— Ну, разбудила же, ё-моё. Вчера допоздна землю в цветах удобряла, субстрат...

Раньше бы Аглая долго извинялась, просила прощения и под конец забыла, зачем позвонила, но то было раньше...

— У меня для тебя подарок мам, — сказала дочь.

— Дракея? — выпалила мать, — неужели дракея? Нет, гипоцирта, да? Голая гипоцирта...

— У меня что-то с пальцем мам. Тот, что занозила в детстве, помнишь?..

Долгое и не довольное «ой» и только потом:

— Взрослая уже, сама сможешь занозу вытащить, не маленькая... Так что за подарок? Гипоцирта? Дракея? Может лашеналия?.. Нет всё-таки дракея, я уверена!..

— И кактус, мам, может стать дракеей и гипоциртой, смотря как свет упадёт... Скоро буду.

— Кактус, это кактус при любом свете, — недовольно проворчала мать, — и к чаю что-нибудь захвати, нет у меня ничего сладкого!..

Дочь поправила красный цветок на макушке и не ответила.

Всему своё время...

На солнце, искусственные лепестки заколки, смотрелись как живые...

ПТИЧКА, ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ!

Внутри всё сжалось в кулак, в бутон, да, именно так, она увидела, как бархатные лепестки цветка оторвались вместе с кусками плоти, разорвали грудную клетку. Сердце лопнуло, она услышала этот звук, он поселился в ней теперь навсегда. Чавкающий шлепок, плевков реальности.

Это было последнее, что услышала мать, потом в ушах зазвенело, и наступила тишина. Непростая это была тишина.

«Мёртвая» — пришло слово. И это слово изменило мир вокруг. Изменило её...

Мать стояла в дверном проеме, когда пришло состояние невесомости, оно обрушилось потолком в серых плешах паутины, когда, не чувствуя под собой опоры, ноги оторвались от пола, мать взлетела над телом мертвого сына, в комнате на подселение, которую купила ему много лет назад.

Бутон внутри почернел, следом за невесомостью пришла боль.

— У меня же нет сердца, — вспышка, — откуда боль?

И у этой боли, пришло осознание, не будет конца, она бесплатное приложение к плевку неизбежности, необратимости...

Невесомости?

— Жанна Леонидовна, — далекий голос из прошлого, — вам плохо? Возвращение всегда болезненно.

Чтобы ни ответила, для этого пьяницы она бессердечная сука. Впрочем, все обитатели этой квартиры на три хозяина давно так считают, с заезда сына. Считают:

— Бросила сына на произвол судьбы. Оставила одного. Сын довольствуется редкими подачками. И слова ласкового не скажет, не поддержит, мать ещё называется! — услышала как-то кухонные перетирания её костей, приехав без предупреждения к сыну.

— Вам плохо? — повторил Гена, сосед из комнаты, что справа от комнаты сына.

Мотнула головой мать, спрятав невесомость в себе, внутри:

— Ты его нашёл? — спросила.

— Так по запаху нашли, — оживился, Гена с говорящим прозвищем Шалупонь, вечно безработный, вечно пьяный, — я сперва не чуял, Лизка моя всю ночь тарахтела, воняет, мол, чем-то пропащим. Я говорю, ты, наверно, скисла. А потом, поутру слышим, телефон евошный звонит без конца, а он не отвечает, ну я и приняхался...

Запах, мать почувствовала его ещё в подъезде, запах сына.

Вспомнила его холодные ладони, было лето, конец августа, жара плавил асфальт и мозги, а у Роди, она случайно, уже не вспомнить, как так вышло, взяла его за руки, за ледяные пальцы:

— Ох, ты ж ё-моё, Родион, любовь не греет, что ли?..

Она быстро растерла руки сына своими руками, а когда поднесла к губам, и подула, ладони ответили мускатным, пряничным ароматом.

Родиону тогда только исполнилось шестнадцать, он стеснялся любых проявлений своих чувств. Но, как и любая мать, она знала, что внутри у сына. Матери знают, что у ребенка на сердце, что под сердцем, знают, чем сердце кровиночки успокоить...

Сын убрал руки в карманы, поежился, пробурчал что-то, она не разобрала:

— Что ты сказал? Громкость прибавь.

— Я спросил, — откашлялся, — любовь к матери считается? Грееет?..

Жанна Леонидовна вновь ощутила запах теперь в дыхании сына, будто он только съел какое-то пирожное и запил сладким, душистым напитком, Родион с детства обожал тархун.

Мать слышала — у злостных курильщиков травки особый, специфический, сладкий запах. Они буквально пропитываются им: пот, слюни, волосы, всё пахнет марихуаной.

И вместо ответа мать понизила голос, грозно сжав зубы, не размыкая губ спросила:

— Ты травокур, что ли, не пойму?

Сердце матери говорило:

— Нет, нет, не верь!

Червь сомнения пробрался в голову, запищал противно:

— Ты посмотри на его глаза, вечно, как у обдолбыша, мямлит, а не говорит, и ходит, будто под градусом. Тот ещё наркоша.

Сердце кричало:

— Не слушай! Верь мне! Верь сыну! Верь в сына!

— А запах, характерный запах откуда? — перебивал червь.

Родион захлопал глазами, посмотрел по сторонам, ища помощи, поддержки от кого-то невидимого, промямлил:

— Я же про любовь спросил?.. Материнскую...

Ткнув указательным пальцем сыну между глаз:

— Я тебе дам любовь. Ты травку куришь?! Ответь мне сейчас же!

И сын пробурчал:

— Не курю я.

— Честно?! — заглянула в глаза сына, не убирая палец, — поклянись мной!

— Честно.

— И говори громче и чётче! — взвизгнула мать, — шепотом в этой жизни ничего не добьёшься!

— Клянусь! — громко ответил сын.

— Поклянись мной.

Сердце молило:

— Не надо. Нет.

Червь ликовал:

— Да, пусть поклянётся! И скажи, что если он соврёт, то ты умрешь!

Мать сказала.

Сын тихо сказал:

— Клянусь тобой, — на глазах заискрились слёзы.

— Материнская любовь греет, как не сможет согреть никакая другая любовь, — сказала Жанна Леонидовна, всё ещё стоя на пороге, в дверях комнаты сына.

Она не сказала этого в тот день, не сказала и потом, сказала сейчас, много лет спустя, когда запах сына оставил его навсегда.

— Он вас не слышит, — икнул Гена Шалупонь.

Мать увидела себя, стоящую на коленях у изголовья дивана, на котором умер сын, она наклонилась к Родиону, губы коснулись холодной посиневшей мочки уха:

— Материнская любовь греет, горячей всех любовей сынок, — говорит, и слеза падает на краешек уха, скатывается улиткой внутрь раковины...

Слеза горячая, тело ледяное... Слеза пробивается сквозь барабанную перепонку и дальше, и глубже, согревая тело, а, достигнув сердца сына, слеза матери наполняет его соком жизни, сердце стучит, сердце распускается алым бутонem розы.

— Я слышу мама, — поворачивает голову Родион и щеки розовеют на глазах, — я так и знал, ты же знаешь, ты всё всегда знаешь.

— Знаю, — говорит мать.

Гена Шалупонь икает:

— А может и слышит?! Говорят же, душа, пока сорок дней не отве-дётся, среди нас.

— Да, да, — соглашается женщина на пороге и не решается сделать шаг в комнату.

Она смотрит в единственное окно, на пыльные жёлтые шторы, слева стол завален бумагами, открытый ноутбук, справа от окна диван. На диване — сын.

— Запах нас выдаёт, всегда нас выдают наши запахи, выдают с потрохами, — наигранно замахал перед алым носом сосед, — пьяный ты или с похмела, всё понятно по запаху, обгадился, тоже не скрыть, а уж как помрешь, так развоняешься за все не прожитые годы...

Не вникает мать в монолог Шалупоня, в комнате сына что-то случилось со светом. Здесь и в солнечную погоду всегда мрачно, а тут, будто тени ожили, задвигались, и на секунду матери почудилось, сын пошевелился.

Дернул правой рукой, приподнял голову...

Живой.

Жанна Леонидовна шагнула в комнату. Тени замерли, насторожились. Ещё один крохотный шаг, не сводя глаз с дивана. Окаменели тени, умерли. Острые скул, полуприкрытые глаза, бело-желтая, натянутая, вот-вот порвётся, кожа щёк, чёрные губы перекошенным полумесяцем...

Боясь, что вернется невесомость, шагнула от дивана к столу, схватилась за угол. Стол под матерью забился мелкой дрожью.

— Вот и осмелились, — прокомментировал Гена, — я ведь, тоже, как дверь выбил, побоялся сразу зайти, какой-то страх одолел, а ещё с бо-дуна, в голову всякие страсти как забрались.

На столе лист, почерк сына.

Предсмертная записка — больно сдавила виски матери мысль. Заходил ходуном стол.

Буквы, написанные синей пастой, заплясали, смешались в абракадабру, расплылись...

Родион сочинял стихи, которые она совсем не понимала. Читал, любил это делать, хорошенько приняв на грудь, Жанна Леонидовна честно силилась вникнуть, правда, не всегда слушала, иногда грубо обрывала:

— Не моё это, Родион. Поэзия твоя такая... Я выросла на Пушкине с Цветаевой. И чего это ты снова пьяный? Как к тебе не зайдешь, так либо болеешь после гулянки, либо под градусом, как это называется?

Сын разводит руками, выдаёт:

— Это называется двадцать семь лет, мама.

Он два года, как съехал с родительской квартиры, в комнату на подселение, инициатором переезда была мать.

— Ты уже взрослый, Родион, уже не мальчик Родя, Родиончик, Родинка! У тебя свои, мужские, естественные потребности, так ведь?! — и не давая ответить, — девушку пора давно заводить, а не с мамой жить. Не секрет, что и у мам свои интересы, нужды, мечты, если на то пошло...

Всё что остаётся сыну — кивая соглашаться. Что в семь лет, когда, подавшись уговорам мамы, один, дабы научиться самостоятельности, отправился в школу, что в двадцать пять.

Мама утверждала:

— Так правильно. Свой угол. Свобода. Делай что хочешь. С кем хочешь и когда хочешь. Друг от друга отдохнем за столько лет-то. Комна-

ту подходящую я уже подыскала, почти в центре, всё близко, и магазины нужные, и остановки... Живи не хочу!

Сын кивал.

— Я же помню, как в восемнадцать, когда от армии тебя отмазали, в тот день, ты заглянул в спальню и увидел меня в чем мать родила. Помнишь, как ты побледнел и чуть в обморок не грохнулся?

Покраснел Родион, градус или же воспоминание едва не сбили с ног, пошатнулся на подкосившихся ногах, схватился за воздух.

— Во-во, я про то же, зачем тебя своими лифчиками смущать, это ненормально. А в своей комнате ты хоть без трусов ходи, и никаких потрясений...

Воздух не удержал, сын схватился за сумку матери, она висела у неё на локте, почувствовав твердь земли под ногами, пришёл в равновесие, выпрямился:

— Когда съезжать? — едва дыша, с печалью, разрезавшей лицо, спросил, стараясь не смотреть в глаза матери.

— Да хоть сейчас, — сказала, рассмеялась, ущипнула сына за подбородок, — как соберешься, за полгода я уже заплатила за комнату, потом вся коммуналка на тебе. Комната твоя...

— Живи, не хочу, — закончил за мать сын.

— Вот именно! — поставила точку она.

Точка перед глазами — это буквы на листке собрались в кучу. Жанна Леонидовна отцепилась от стола.

Пытается разбить точку на буквы, на слова... не получается.

— Что там? — заглядывает в комнату Шалупонь, — вам плохо?

Поднятый указательный палец останавливает мужчину в дверях. Не входить! Угрожает палец. Это территория неприкосновенна. Территория сына — территория матери.

Буква «М» появляется первой, потом «А».

— Мама, — шевелятся губы.

И пол исчезает под ногами. Она взлетает над столом, и буквы, собранные в слова, в предложении висят над ней, перед глазами лозунгом, надеждой, приговором.

МАМА, РОДИ МЕНЯ ОБРАТНО!

И всё, одно лишь это, синей пастой посередине листа из блокнота.

Чтобы вернуться, поняла мать, нужно произнести вслух написанное сыном заклинание. Надо лишь отлепить прилипший к нёбу язык и сказать. И слова, а это непростые слова, волшебные, воскресят, да, правильно подобранные слова имеют такую силу — возвращать к жизни мёртвых. Мать отдирает язык с кровью, кровь орошает сухую гортань:

— Мама, — сглатывает сладко-горькую кровь, — роди меня обратно. Боковым зрением на сына, в немой мольбе, что вот дрогнут ресницы... Чпок — плевок реальности ответом.

Нет тебе воскрешения.

Она у стола, на листке буквы.

— Вам лучше присесть, — советует успевший сбегать в свою комнату и похмелиться разведенным боярышником, Гена, — в ногах правды нет, правды вообще нет. Всё полуправда.

Шалупонь говорит — «правда», мать присаживается на стул у стола, слышит — «выгнала». Окровавленным, смоченным кровью горлом, кричит в ответ:

— Не выгоняла я его! Это жизнь! Жизнь!

Гена прикусил язык от неожиданности, выпучил на мать глаза, проблеял:

— А я, а я, чё?... Я и не говорил такое... Это жизнь, правильно. Всем хочется нормальной жизни... Никто никого не выгоняет, это за нас жизнь делает... — и, кивая в сторону тела на диване, — вон одного уже выгнала.

Закончил он смачной отрыжкой. Мать сдержалась, не закричала, прикусила губу, чёрный квадрат экрана ноутбука как окно в другое измерение, космос, где невесомость, и куда отправился на веки вечные её сын.

Кусок дивана в отражении и её плоское лицо. Вместо глаз две дыры, из которых никак не польются слёзы.

— Я чё говорю-то, Жанна Леонидовна, — бодро словно ожил, зататорил мужчина, — Родька говорил, буквально на той неделе говорил, что у него нет ни одной фотки, так и сказал, окочурюсь, а на памятник фотки нет, из паспорта только. Как чувствовал будто... Говорят ведь, что ощущаешь её приближение, когда она близко совсем...

Оторвавшись от черноты Космоса, мать осмотрелась, в горле снова сухо, в груди, там, где должно быть сердце, огонь изжоги:

— У меня, у меня его фотографии есть, только он на них маленький, — она поднялась, деревянный стул освобождено затрещал, стала перебирать стопки бумаг на столе, — как, совсем нет ни одной взрослой фотографии? — спрашивала у себя, спрашивала у неизвестности, — совсем ни одной? Совсем?

Слёзы наполняли дыры, но время слёз ещё не пришло, мать надела пальцами левой руки на глаза, словно загнала их назад на глубину, на дно...

— Совсем, — Шалупонь курил, выдыхая дым в сторону входной двери, — говорю же, как чувствовал Родя, говорит пару дней назад, мол, нет фотографии нормальной...

— Я поняла! — прикрикнула мать, — и что?!

— Так это, если и у вас нету, а ведь нету?! У меня кореш есть, он бог фотошопа, снимет его такого сейчас, за бутылку, а глаза прифотошопит.

— Глаза что?.. — мать посмотрела на пьяного соседа.

— Ну, пририсует, приделает в фотошопе. У него же они закрыты, вот он их и это, откроет за бутылку...

— Иди, проспись! — оборвала мать.

— Так я же, типа, помочь вам, одной же как, вот и фотки нет...

Ничего не сказала мать, села за стол, на скрипучий стул, ладонью прикрыв лист с надписью.

Шалупонь побурчал, потоптался на пороге и незаметно для матери исчез.

Оставшись одна, закрыла глаза, где в точности такой же Космос, что и на экране ноутбука сына.

Из тьмы выбралась на солнце, первым делом до дома, в секретере куча фотоальбомов. Она помнит, должна быть фотка, в прошлом году фотографировались на Рождество.

Родион с детства не любил фотаться, жалел птичку.

— Она же маленькая, — объяснял первоклассник Родя, — вылетит птичка из домика и потеряется, и не найдет дорогу домой, и умрёт.

Фотограф растеряно пожимает плечами, ищет поддержки у родителей, а ей нечего сказать сыну. Жанна Леонидовна смотрит на мужа, это последний год их совместной жизни и последнее семейное фото. Отец берет тогда сына на руки со словами:

— А мы не будем выпускать птичку, пусть сидит в домике. Так и скажем дяде фотографу, да? Давай?

Родя одаривает всех бесконечно счастливой улыбкой, говорит:

— Пусть птичка сидит дома!

Пожилой фотограф складывает пальцы в знак ОК. И не говорит волшебных, заклинательных слов.

Вспышка — птичка вылетела.

Фотографии — разбросала их по всей двухкомнатной квартире. Нет снимка с Рождества.

— Быть такого не может!

Она держала его в руках, на нём они вдвоём — мать и сын крупным планом. Родя как всегда серьезен, но глаза выдают счастье.

Да, в такие моменты, он их для себя называл «моменты причастности», Родион был действительно самым счастливым человеком на планете. Мать это знала, матери они ведь всё всегда знают, но не могла остановить ход жизни. Самостоятельной жизни для каждого из них. Она называла это свободой. Сын — испытанием, наказанием.

Пробежалась по знакомым, у кого могли быть фотографии сына, зашла во все конторы, где когда-то, пусть и недолго, работал Родион — ничего.

Какие-то смывые, стёртые, старые фотографии мельтешили. Измятые, черно-белые, цветные снимки причиняли невыносимую боль. Болело всё внутри и снаружи, самая незаметная, тоненькая морщинка впивалась, ранила...

— Даже фотки своей мне не оставил, — сказала мать углу дивана в чёрном зеркале, а если взглядеться, можно увидеть кусочек носка, небрежно заштопанного на большом пальце, — это месть сынок?..

Мёртвая тишина.

— Оправдываться? Бессмысленно, я поступала так, как считала правильной всего надо поступить. Хотела лучшего. Для нас. Для тебя.

Мать пошевелилась, стул хрустнул, она перевернула лист, синие, большие буквы навсегда с ней, в ней, как и тишина, и чавкающий плевков реальности.

На обратной стороне мелкий, с трудом читаемый почерк сына. И каждая буква, запятая, точка — укол, укусом, ударом... Раной.

Внутренний червь запищал:

— Порви, не читая, это тебя убьёт!

Мать озвучила голос сердца:

— Заткнись! — приказала.

Ма стояла на пороге, стояла не шевелилась, дышала? Нет. И сердце не стучало. Боялась войти в комнату, в комнате на диване тело сына. Сын не дышит. Сердце его не стучит. «Скорая» выехала, но приедет не раньше, чем через час. Сын умер ночью, и стрелки на часах, что на стене, над диваном, застыли, обозначив время смерти. Половина третьего.

Ма не плачет, потому что, заплавав, она не остановится уже никогда, пока не выплачет всю себя.

В комнате серое утро белеет с каждой минутой, но ма не решается войти и подойти к сыну. К телу. В окаменевшей руке сына зажат лист бумаги. Это его последнее стихотворение. Его он написал для неё.

Ода матери. Только она не прочтёт. Ма так и будет стоять здесь на пороге. Пройдёт час, солнце заполнит комнату с сыном, мать будет стоять, не шевелясь, не дыша. Приедет бригада скорой помощи, врачи отодвинут ма, как какой-то неодушевленный предмет, как часть интерьера, вещь, проникнут в комнату и будут хозяйничать, щупать мёртвого сына, и ма

Обрывался рассказ сына, жизнь оборвала или нежелание продолжать. У Родиона это от отца, бросать всё на полдороги. Начать и не закончить. Вот и здесь, с этой историей, по всей видимости, так. Проба пера. Первый рассказ, сын давно говорил, что хочет попробовать себя в прозе...

— И ма, — произнесла вслух мать, заскрипела стулом, это она пригнулась, включила ноутбук, пододвинула к себе поближе.

Сын так и не научился набирать свои стихи, всегда просил её, а когда она отказывалась, мучительно долго стучал по клавиатуре одним пальцем.

— Ма не сможет долго стоять на пороге сынок, потому что материнская любовь греет, как никакая другая, потому что любовь ма сильнее смерти.

Загорелся экран знакомыми лицами с рождественской фотографии: она улыбается, щекой прижимаясь к щеке сына, Родион серьезен, но глаза выдают счастье.

Мать заплакала. Нарушила мёртвую тишину комнаты и сердца. Оживила.

Почерневший бутон побагровел и начал распускаться.

Слёзы текли, капали на клавиатуру, промочили лист...

Мать быстро набрала написанный от руки текст сына.

— Птичка, возвращайся домой! — громко, как заклинание, попросила.

В комнате всё ощутимее сладкий, пряничный аромат.

Мать пишет не законченную историю сына.

Историю наоборот.

Юлия Володарская

УГОЛЬКИ

миниатюры

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Дочке двенадцать. Сыну восемь. И вот — на тебе! Сюрприз! А муж даже обрадовался. Решили пока никому не говорить. Сюрприз же. На учёт стала поздно. Сдала анализы. Врач сказала, что результаты на патологию не очень. Но, может, обойдётся. На двадцать четвёртой неделе дали направление в областную детскую на УЗИ. Врач называет какие-то цифры. Ручки, ножки, сердце...

Говорит мне, что всё хорошо. Похоже, девочка, но очень скромная, отвернулась. Одеваюсь. Она мне снова:

— У вас всё хорошо.

Киваю. Забираю бумаги, выхожу, врач почти вдогонку:

— Запомните, всё, что возможно увидеть на УЗИ, у вас хорошо.

Я уже немного удивляюсь. Дальше в девятый кабинет, к генетику.

Там как-то долго и оценивающе меня рассматривали.

— Вам тридцать пять, мужу сорок пять — это неблагоприятный уже возраст. У вас плохие анализы. Похоже, у ребёнка синдром Дауна. Надо ехать в исследовательский центр, делать кордоцентез, забор жидкости иглой из пуповины плода. Да, это опасно, есть определённый процент выкидышей, но вы же хотите здорового ребёнка?

На какое-то время я растерялась. Потом допереварила-таки всё, что мне предлагали. Стараясь казаться спокойной, улыбаясь, медленно и чётко говорю, что в любом случае не буду убивать ребёнка.

Не очень выбирая выражения, и врач, и медсестра стали расска-

Юлия Володарская — поэт, прозаик. Родилась в 1974 году в п. Ровеньки Белгородской области. Автор сборников стихов: «Клубника в дожди», «Золотые ресницы», «Выдох», «Маленькими шагами». Стихи и проза печатались в журналах: «Симбирск», «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Добродетель» и др. Член союза писателей России.

зывать мне какая я безответственная женщина, плохая мать, что из-за таких, как я, рождаются неполноценные дети. Значит, если я убью его — я хорошая мать, а если не убью — плохая? Мир сошёл с ума! Медсестра побагровела, что-то ещё шипела мне вслед. Но я её уже не слышала.

Через месяц всей семьёй поехали в Крым. Выбрали Алушту. Центральный пляж оказался каменистым, мне с животом не войти в море. А рядом пляж для инвалидов. Хозяйка, женщина на коляске, сказала, что мы можем приходить к ним.

Пляж очень удобный со спуском для колясок, поручнями, камни застелены мягкой травянистой тканью. Взрослые с последствиями травм, иногда последствия полиомиелита, диабета. Детки чаще с ДЦП. По соседству с нами Славик, ему двенадцать, у него синдром Дауна, бабушка на него покрикивает, боится, что далеко плавает. Славик грозит ей папой. Приходит папа, оба счастливы.

Танечке около пяти, она почти не держит спинку, но родители ей всё время улыбаются, и она улыбается им в ответ. Ещё приехали близняшки, им по четыре. Мальчик здоров, а девочка, как стебелёк, не ходит, почти не реагирует на слова, но ей приятны прикосновения. Мама её часто поглаживает, делает массаж. Ей хорошо в море, личико становится блаженным, она даже старается двигать ручками и ножками. Видно, что эти дети любимы. Здесь родители не пьют пиво, не дымят сигаретами.

Гуляя по городу, узнала, что неподалёку есть храм святителя Луки Крымского. Пока добралась по горной тропинке, служба уже закончилась. Подошла к большой иконе святителя. Хотела было попросить его, чтоб ребёнок не был дауном, но стало как-то стыдно. Потом шепчу: «Пусть всё будет, как Бог даст, только ты всё же позаботься о нас, не оставляй своими молитвами...»

Юля родилась восьмого октября, немного раньше срока. Три девятьсот. Без единой патологии.

КУКЛА

Все девочки, посмотревшие сказку «Холодное сердце», хотели куклу Эльзу. Белокурую, изящную, настоящую принцессу. Юля в свои шесть с половиной лет ничем не отличалась от подружек и тоже, едва увидев на витрине Эльзу, уговорила её купить.

У куклы были подвижные суставы, она могла сгибать локти и колени, а также хрупкие запястья. Кукла была интересная, но очень плохого качества. Суставы-шарниры на ногах всё время выпадали и через полгода их уже невозможно стало починить. Юля приносила Эльзу то к папе на рабочий стол, чтоб склеить, то к брату, чтобы примотать ногу проволокой, но всё было напрасно.

Однажды приехала в гости Юлина двоюродная сестра Милаша. Ей было уже почти десять, но она всё ещё с удовольствием играла в куклы и прочие девчачьи игры.

И вот перед отъездом Милаши Юлины родители решили подарить девочкам по новой кукле. Искали, конечно, Эльзу, то есть двух Эльз. Нашли. Но тут их ждало испытание. Во-первых, коллекционная качественная Эльза стоила довольно дорого, во-вторых, она продавалась в наборе со своей сестрой Анной, которая меньше ростом, рыженькая, с двумя косичками и веснушками — ну совершенно не похожа на принцессу.

Было ясно, что Милаша тоже захочет выбрать Эльзу. Купить два набора не было возможности. А Юля уже стояла рядом и светила от предвкушения...

— Пап, берём?!

— Берём. Но с условием, что первой будет выбирать Милаша.

— Но папа, она, конечно же, заберёт Эльзу, а как же я?!

Голос дрожал, слёзы градинками бежали по щекам. Тут вмешалась мама. Присела перед дочерью на колени и посмотрела ей в глаза:

— Юля, выбери, пожалуйста, Анну.

— Но почему, мама, почему? Она ведь не такая красивая.

— Вот поэтому. Никто не замечает её красоты. Никто её не любит. Представляешь, каково это, когда не любят, не играют, а ей ведь очень хочется, чтоб какая-нибудь девочка выбрала её, стала её другом. Юля вытерла лицо ладонями, как будто даже стесняясь, что пару минут назад ревела из-за ерунды, и спокойно сказала:

— Я выбираю Анну. Пошли. Дома Милаша взяла Эльзу, а Юля свою рыженькую. Но, как ни странно, именно Юля была по-настоящему счастлива и играла с каким-то особым интересом и вдохновением. А когда через несколько дней Милаша уехала, Юля задумчиво сказала:

— Мам, а знаешь, Милаша хотела со мной поменяться куклами, но я сказала, что не могу...

И прижала свою рыженькую к груди. А потом рассмеялась и добавила:

— Мам, у неё двадцать одна веснушка, я все пересчитала...

УГОЛЬКИ

— Мам, а помнишь, когда я маленькая была, мы с тобой снеговика лепили, а дедушка Коля угольки для глаз принёс?

— Смутно. Сто лет прошло. Удивительно, что ты это помнишь. Ведь тебе лет пять было, не больше.

Даша положила трубку, а я всё никак не могла уснуть. Я вспомнила тот зимний день и даже место, где мы лепили снеговика и снегурочку. Это был общий двор между нашим домом и домом моей бабушки. Мой отец, Дашин дедушка навещался не часто. Он был уже очень болен, алкоголь разрушал его изнутри и снаружи. Отец жил отдельно, в своём доме. Когда он приходил нетрезвый, я старалась, чтоб дочка этого не видела, а трезвым он был редко. Но в тот день он был в добром здравии. Скорее всего, он увидел нас из окна бабушкиного дома.

Когда он подошёл к нам, у него на лице была улыбка во весь рот и какие-то необыкновенно счастливые глаза. Это был папка из моего раннего детства. Он включился в нашу игру, и Даше стало сразу намного интересней. Ей казалось, что она занята чем-то очень важным, а дедушка Коля у неё в подмастерьях и очень старается ей во всём угодить. Особенно он её поразил, когда раздобыл угольки для глаз снегурочки и снеговика, потому что, видимо, она сама не представляла, где их взять, когда кругом белым-бело.

И это всё.

Никакого общения у них больше не было. Какой-то час, обрывок зимнего дня. И она помнит это всю жизнь. И каждый раз, когда кто-то упоминает имя моего отца, она тут же вставляет:

— А я дедушку помню, он мне угольки принёс.

Ей самой уже двадцать. И отца уже нет больше десяти лет. Но вот она звонит и спрашивает:

— А помнишь?...

Что это? Как это? Неужели любовь, как свойство человеческой души, настолько сильна, что тьма разрушенной жизни не может её объять? Всё недоброе слетает, как шелуха, и остаётся только тепло, свет улыбки, протянутая ребёнку рука и на ней угольки.

Они светятся, напоминая, что есть у девочки дедушка и он её любит.

В УГЛУ

Почему-то вспомнилось про угол. Вернее, про то, как часто меня туда ставили. Вот, например, детский садик. Мне лет пять. Качели на троих. Мы втроём так сильно раскачались, что качели оторвались от земли и завалились. И мы вместе с ними. Прибегает воспитательница. Двое детей плачут, я — нет. Их она осматривает, потряхивает. Никто не пострадал. Меня отправляет в угол.

— Почему только меня? — интересуюсь я.

— Потому что без тебя они бы до такого не додумались! И после обеда тоже будешь стоять, чтоб запомнила!

Вот ещё одно из детского садика. Я спела частушку из репертуара моего отца и его друзей, которые частенько собирались у нас на кухне или во дворе. Меня поставили в угол. И снова на весь день.

В тот раз мне не было обидно. Сама пела — сама стою. Место удобное — между шкафом и окном, рядом батарея, можно опереться. Весь день ко мне потихоньку подходят дети и просят спеть на ушко. Я пою:

Высоко летит над облаками
Юрий Алексеевич Гагарин,
а жена кричит ему вдогонку
«Юрочка, не пей там самогонку!»

Песня всем очень нравится. Я могла бы им спеть ещё «Там среди пампасов», но почему-то не решаюсь. Во-первых, она длинная, а во-вторых, непонятно, сколько дней придётся за неё стоять.

Несколько раз я стояла в углу и у бабушки по папиной линии. За сломанные очки и часы, которые я не ломала.

— Не, ну а кто же?! — возмущалась бабушка, — что ж, мы с дедушкой сами себе их сломали?! А Саша (это мой двоюродный брат), Саша точно не мог, значит — твоя работа!

А ещё был случай, когда дедушка нас застукал за изготовлением пороха по рецепту из Ералаша, кажется. Мне было шесть, Саша на год старше. Когда я пошла на кухню за спичками, дедушка проследил за мной и вытащил из-под старых брёвен и меня, и брата. В угол поставили только меня.

— Саша бы в жизни до такого не додумался, — было мне сказано.

Я и не спорила.

В школе, классе, наверное, втором, одну тихую девочку всё время выталкивали из очереди в столовой. Мне почему-то было стыдно на это смотреть. Я взяла её за руку и снова отвела вперёд, где она должна

была стоять. Но для этого пришлось убрать оттуда мальчика, который сопротивлялся, но я победила.

В угол меня поставили на всю продлёнку. Тихая девочка вовсе не была мне благодарна. А не очень тихие девочки подходили к углу поближе и доводили до моего сведения, что Тамара Ивановна, наша классная, сказала, что я хуже мальчика! Но надо отдать ей должное, когда к нам пришла новая учительница, Тамара Ивановна упустила этот факт, а просто сказала:

— Это Юля, она любит смотреть в окно и мечтать о небесных пирожках и манной каше.

Все громко засмеялись. Но мне не было обидно. Я смотрела в окно и видела на голубом фоне майского неба белые хлопья, напоминающие снег.

ВОЛЧЬЯ ПЫЛЬ

рассказ

Искать мяч для настольного тенниса здесь, где от гостевых домов остались только фундаменты, торчащие из земли развалившимися корневыми зубами, — всё равно, что надевать на пустые ветки осеннего сада давно рухнувшие листья, дабы увидеть сад таким, каким он когда-то тебе показался, и каким он никогда не был. Теперь никакую партию за этим теннисным столом не выиграть, да и стола давно нет — только бетонная площадка, за которую он держался, — под столом прятались одни дети, пока другие делали подачу, а третьи её пропускали. Проигрыш тогда не был поражением — проигрыш был ещё одним поводом начать, поводом не возвращаться домой, пока мяч не превратится в луну. Под столом мир другой — мелькают ноги в сандалиях и кедах, падает и снова падает белый теннисный град, доносящийся сверху сначала ровным капанием, а затем захлёбывающимся вдруг пульсом.

Тогда я даже не поняла, что раздавила его — песчаный грунт с сосновыми иголками мягок и безвинен: заметила мяч мятым под своей ногой, только когда стала его искать. Совсем как тот гриб — волчий табак — на который мы в детстве наступали специально, чтобы посмотреть,

Гала Узрютова — поэт, прозаик, драматург, автор междисциплинарных арт-проектов, фотопроектов. Родилась в 1983 году в Ульяновске. Автор книг: «Выбор воды» (роман, «Редакция Елены Шубиной», 2024); «Обернулся, а там — лес» (поэзия, «Русский Гулливер», 2015); «Снег, который я пропустил» (проза, Bookscriptor, 2018); «All the names are occupied, but one is vacant» (PTR, poetry, Canada, 2021); «Страна Саша» (КомпасГид, 2019; премьера фильма по книге состоялась на Берлинале 2022); «Я с вами не разговариваю, или Страна Женя» (Абрикобукс, 2024, YA). Лонглистер премии «Большая книга 2023». Лауреат премий «Радуга» (Верона, 2019), Bookscriptor (2018), «Русский Гулливер» (2014), премии им. Н. Благова (2016), драматургических конкурсов Eurodram 2018 и Badenweiler 2016. Работала в писательских резиденциях в разных городах мира. Тексты переводились на немецкий, английский, словенский, латышский, итальянский, корейский, китайский и др.

как он «закурит», и пыль взойдет облаком. Ждали, придет ли волк, когда узнает, что его табак разорен, что его пустили по ветру — дотронулись до чужого, до того, чего трогать нельзя. Все кинулись искать мяч, но найти не могли, — я никому не сказала, что раздавила это теннисное яйцо, и спрятала его в карман. Они разошлись по домам, партия закончена — за новым мячом надо было ехать в город. Я проиграла. Серые ракетки лежали на столе, сливаясь с простым вечерним светом. Когда никого у стола не осталось, я закопала мятый мяч под сосной, набросав сверху сухих пожелтевших иголок. Как будто ничего не было. С того самого момента, когда я решила, что не признаюсь, что никому ничего не расскажу, что эта бесконечная игра остановилась из-за меня, мяч этот — ледяная градина во рту — не сглотнуть ее, сколько ни пытайся — вымахал до размера вдруг белого земного шара, на котором всегда идет снег. Планета эта раздуется до того, что однажды лопнет, и по Вселенной разлетится волчья пыль, в которой будет вращаться лишь раздавленный теннисный мяч — еще не открытая мятая планета, пахнущая грибами, — никто не знает, почему это произошло, кроме меня.

Даже спустя годы, каждый раз, когда я слышу стук легкого белого мяча, связь с тем — раздавленным — яйцом возникает снова — невидимая вязка, растянутая временем, но никак не рвущаяся, а только делающаяся прочнее. Скорее в лес, где стоял теннисный стол, чтобы откопать тот шар. Чем более красивым видится мне мятый мяч, тем уродливее становится градина. Отделить уродство от красоты невозможно, как невозможно прийти в белом пальто в осенний сад и надеяться, что сможешь войти в эту осыпающуюся бездну — придется или пальто снять, или хотя бы извальяться в грязи, прежде чем сделать шаг в едва движимое то ли ветром, то ли своим ароматом высыхающее красное облако. Только тогда красота произойдет, когда припрешься к ней ничейный, потный, с коростами засохшей земли — на одежде ли, на коже ли — теперь она признает тебя своим. Красоту с детства вели далеким словом, человека никогда не касающимся — чужим во все. Красоте не учили, а показывали её издалека: видишь, как там красиво? Не наступай, не дёргай, не трогай. Ребенок понял — от красоты надо держаться подальше. Или хотя бы надеть белое пальто, прежде чем к ней приблизиться. Чтобы соответствовать, затеряться чтобы — не трогать — не наступать — не дёргать — а проскользнуть сквозь и выйти — в том же белом, на которое не рухнет ни один красный лист, и уж тем более — ни серого ошмётка ещё тёплого птичьего дерьма.

Только когда я приехала сюда в поисках этого мяча, поняла, что пу-

тала красоту с детством, хотя детство никогда не обладало той властью, которой губила красота — разве что в те утра, когда небо становится низким — приближает облака почти на уровень человеческого роста — но и здесь принимаешь спустившуюся белизну за небеса, которые на самом деле яснее не на расстоянии вытянутой руки, а где-то выше — там же, где и красота. В этом и власть её — никогда не сможешь ей овладеть — как когда-то овладела своим детством, теперь, впрочем, овладевшим тобой и скопившимся под шершавой уже кожей, выдавая себя походкой и жестами.

Заиметь какую-то палку, простой меткий инструмент, который помог бы сопротивляться красоте, когда вдруг понимаешь, что не останови её сейчас, она обрушит всё, что есть, да и то, чего нет, — тоже захватит, и уж тем более — то, что могло бы быть. Когда в детстве слышишь чью-то песню, доносящуюся издалека, думаешь — вот бы заткнулась, что ли, да как же ты мне надоела, да ведь фальшивишь ты, и слова какие-то — не те; надо идти быстрее, и вот уже песня эта совсем не слышна. А спустя несколько десятков лет только и ждёшь ту песню, едешь ради нее за тысячи километров — лишь бы её услышать, ищешь ту самую улицу, проулок ли, двор ли — но песни уже не слышно, или её уже не поют, пусть ради неё ты и проделала столько километров и уже готова простить и фальшь, и не те слова, и то, что тогда — в детстве — уже знала, что больше никогда её не услышишь.

Не знаю, зачем приехала сюда искать этот мяч — как будто оттого, что его найду, он вдруг расправится, снова обретет идеальную форму шара и сможет скакать по невидимому столу, от одного невидимого игрока к другому. Начинаю с высокой сосны, в которой уверена, — помню, мяч я закопала именно под ней. Но даже когда наковыряла палкой целый ров вокруг ствола, шара там не увидела. Дерево не то? Нет, эту сосну я хорошо знаю, она и есть. Проверить остальные? Рою руками и палкой то ли песок, то ли землю, то ли снег под каждым соседним деревом — быстрее и быстрее, земля под ногтями, земля на одежде — снег везде.

После трех не тех деревьев снова возвращаюсь к той самой сосне, надо копать глубже, и мяч найдётся, точно найдётся, не мог же он испариться — в сарае у забора я беру лопату, ров стал ещё шире, а на руках появились мозоли. Напор такой, что ещё немного — и лопата вынырнет с другой стороны Земли, где и напугать человека не получится — в школе нам рассказывали, что в противоположной точке планеты — южная часть Тихого океана. А рыба лопаты не боится —

рыба лопаты не знает. Этого широкого рва хватило бы на оборону песочного замка, какие дети здесь строят на берегу Волги. Копать, пока теннисный мяч не превратится в луну. Пока не убеждаюсь — его там нет. Нет не так, как если бы он там когда-то был, а потом исчез, а так — как если бы его там не было никогда. Как и этого тридцатилетнего еле звонкого стука по прозрачному столу, который я слышала в сосновой тишине.

Андрей Ладога

СНЕГА МЕДЕО ИЛИ 842

рассказ

Саулемай.

Своей вертикальной струнной стройностью деревья скрепляли ломкую горизонтальную линию гор. Сосны? Пихты? Ели? Будучи городским жителем, Андрей не знал названия зеленоватых и голубых деревьев. Он что-то слышал о елях из Тянь-Шаня, что высадили в окрестностях Медео. Еще вспомнилось выражение из «пиратских» романов детства: «мачтовые сосны». Андрей как будто услышал скрип сосен, который навевал летучие голландские воспоминания о море, соленом ветре, сундуках с золотом и натянутых ветром белых парусах.

Сквозь эскизные облака расплывчато просвечивало лимонное солнце марта. Метеорологические службы обещали нечто абстрактное и поэтичное: «К вечеру ожидаются кратковременные снежные осадки».

Ели и сосны выстроились лесенками так тесно, что казалось, в предчувствии сильного снегопада или селя, они подбадривали друг друга, изо всех сил цепляясь за горные склоны. Деревья как люди, до-

Андрей Нянькин (Ладога), сценарист игрового и режиссёр документального кино. Награды и призы (основные работы): приз MTV Россия за проект «Карлсон 2000» (Москва, 2000), две Золотые богини Югры за проект «Три великих Винстона» (Ханты-Мансийск, 2001) и т. д. «Документальная камера», т. к. «Культура», проект — лауреат ТЭФИ 2005 года. «Наш человек в Кремле», т. к. «Звезда», 2005 год. Сериал «Оплачено смертью», т. к. «Россия», 2007 год. В работе полнометражная картина «Проект „Апечатка“» (об опечатке в романе Льва Толстого «Война и мир»). Публиковался в журналах: «Волга», «Дружба народов», «Этажи», «Новый Континент» (Чикаго, США), «Южная Звезда», «5 Республика» (Париж, Франция), «Кольцо А», «Литра», «Новая литература» и т. д. Член Союза журналистов России, международная секция. В октябре 2023 года в Канаде вышла первая книга автора, переведенная на английский язык, сборник рассказов, пять историй: «My Christmas Eve / Канун моего Рождества».

гадываются о смерти, о том, чего не может быть, но что как будто бы происходит. Оттого, как и люди, деревья держатся за жизнь как могут.

Мягко притормаживая, водитель идеально вписывал огромный как океанский лайнер, раздувшийся от спеси автобус в повороты серпантина, затем, при выходе на прямую, плавно прибавлял газ. Мастерский артистизм шофера, сосредоточенно улыбочивого молодого казаха, рождал обманчивое чувство защищенности. Пассажиры тихо переговаривались между собой, сзади сдержанно смеялись.

Андрей вложил старательно очиненный карандаш в белизну нетронутых страниц и закрыл тетрадь. Между карандашом и бумагой ничего не случилось.

Саулемай молчала, вымучивая предстоящий разговор, правда, однажды она улыбнулась про себя, он уловил это мгновение по её легкому, спокойному выдоху. Андрей стал злиться. Не беда, что за время пути они ни о чем не поговорили, не беда, что он так ничего и не записал, беда в том, что он ничего не придумал, а, между тем, задание по диалогам надо было выполнить. Ничего, всё придумается само собой, сегодня, перед сном, именно такой опыт Андрей обрел в последнее время. И наутро, после просветления неба, нужно будет всё вдумчиво подотчетно записать, как будто под отчетливую диктовку. Свои материалы для «Вечерней Алма-Аты» Андрей готовил именно так, процесс перестал быть мучительным и главный редактор хвалил его колонки, это радовало.

Они подъезжали, за финальным поворотом возникло мгновенное впечатление: Медео, противоселевая плотина, кафе, деревья, облака, матовое солнце, горы. На конечной остановке водитель плавно затормозил автобус, заглушил двигатель, с «пневматическим» шипящим звуком раскрылись двери. Не глядя друг на друга, Андрей и Саулемай замерли, в ожидании, затем последними вышли из салона. У автобуса неприятно пахло смесью бензина и талого снега.

— Кофе? «Сова espresso бар» или «Aloha»? Или сразу идем на плотину?

— Ты мужчина, ты решай. И, пожалуйста, не злись.

— Я хочу решить так, как хочешь ты, — Андрей подумал: «Нам уже не надо разговаривать, мы все понимаем без слов», и затем: «Молчаливое предательство еще страшнее».

— Я хочу кофе, — она думала совсем не о кофе, Андрей понял это.

— Тогда «Сова».

— Там дешевле?

Он не ответил. В кафе они заняли пустой столик у окна. Андрей

помог Саулемай снять куртку, разделся сам, затем достал из тетради карандаш и коротким и резким движением сломал грифель о стол. Саулемай с мгновенным ужасом посмотрела на Андрея, как будто он свернул шею живому голубю.

— Не будет соблазна записывать, — морщась, пояснил Андрей.

— Ты не сможешь не думать.

— Это другое.

— У меня есть шариковая ручка, я же учитель, помни.

Андрей кивнул и спрятал в карман сохранившую девственность тетрадь и обезглавленный карандаш. К ним подошла неуклюжая своей юностью, смешно стеснительная официантка. Они заказали кофе. «Что толку думать, если не можешь записывать?» Андрей не знал, как пойдет диалог его героев. Вся надежда на предутреннюю ночь. Как именно он скажет ей о своем отъезде? Что ответит она? И что она подумает? И сможет ли он прочесть ее мысли? Как сообщить ей о Москве? Это, как признаться в измене. «Я уезжаю» — «А как же мы? А я? Ты вернешься?» Он подумал: «Не знаю», но сказал другое:

— Не люблю использовать шариковые ручки.

Он подумал вычурное, тускло-фальшивое, что-то вроде: «Как противостоять обойме беспраздничных дней, серых одинаковых и тяжелых, как свинцовые пули?»

— О, да! Ты как Эрнест Хемингуэй, — она произнесла эти слова с воздушным воодушевлением, но затем интонацией и вздохом упала в непреодолимое, — и как всё это будет? Русский с паспортом Казахстана? Ты будешь снимать квартиру? Это же дорого. Придется и учиться, и работать. Гражданство, вид на жительство, виза, регистрация, деньги, у меня голова идет кругом...

— Я попытаюсь, — он не знал, что будет дальше. И она не знала. И никто не знал.

— Когда ты закончишь курсы, тебе будет за тридцать, а мне около.

— Я еду и поэтому.

— Но ты вернешься? — безнадежно спросила Саулемай, даже не прося ответа.

Им принесли кофе, сахар и сливки в игрушечном сливочнике. С застывшей улыбкой будущего серийного убийцы, в кафе вошел их водитель, он купил большую кружку кофе. Возвращаясь к своему автобусу, водитель отпил на ходу. Даже со стороны было видно, спокойный шофер приземленно и практично счастлив.

— Посмотрим.

— Не лги ни себе, ни мне, в Казахстане, как и в России, не снимают кино, кино снимают в стране под названием Москва.

— И всё-то ты знаешь.

— И потом, — Саулемай не смотрела на него, — с чего ты решил, что сможешь писать сценарии? Журналист и сценарист — разные ремесла.

— У меня нет другого выхода, — он подумал: «Только разломав жизнь, можно понять, есть ли внутри судьба».

Нет, всё будет иначе. Он уедет в Москву, там он рано или поздно, но встретит её, свою новую девушку. Пока это не будет изменой. Они будут просто «общаться», но закончится все именно изменой. Андрей ничего не скажет Саулемай, затем это повторится. Да и в самом деле, кто я такая? Учительница младших классов и все мое имущество — койко-место в общежитии, а он журналист в «Вечерней Алма-Ате», который смог поступить на Высшие курсы режиссеров и сценаристов. А куда деть их общие пять лет? Сказать ему об этом? Но он всё знает и без меня. И он мужчина, он уже решил. Он решил уехать, а со мной — «как получится».

Она отодвинула чашку с кофе и вздохнула. Что толку пить кофе, не чувствуя вкуса?

— Не вздыхай, всё будет хорошо, — он подумал: «Пять лет назад Саулемай поразила меня своим сходством с молодой Анук Эме. Блестящие глаза, обморочной черноты, её женственный жест, поправляющий волосы, как в картине „Мужчина и женщина“, её подвижные губы, — подлинная копия».

— Так всегда говорят в безнадежной ситуации, — Саулемай сказала это с тоской, — чтобы хоть что-то сказать. Как по мне, так лучше промолчать.

Андрей промолчал: «Именно».

— Наша с тобой ситуации не безнадежная. Я сниму квартиру, и ты приедешь ко мне.

— У меня в Каскелене родители, куда они без меня? Да и у тебя немолодая одинокая мать, ты... — «ты об этом подумал?», Саулемай не договорила эти слова. Мать Андрея была последней надеждой.

Глубоко вздохнув и задержав дыхание, темнея, превращаясь в тучи, облака вобрали тяжелый холод. День преждевременно стал тревожным вечером.

— Я думала, мы поженимся, — тихо продолжила Саулемай, Андрей сделал вид, что смотрит на снег, возникший за окном.

Снег, как смерть, как любовь, как сон, вот его нет, а вот ты уже

спишь мертвым влюбленным. Кто видел, как на землю падает первая снежинка? Не зная подробностей, Андрей интуитивно понимал, снег в горах — это не к добру. Он несколько раз видел снегопад в горах, но никогда не мог определить его начало. Андрей не думал о матери, мать — это прошлое, а он думал о будущем, о Москве. Москва представлялась в виде авиационного черного ящика, который открываешь после крушения, что было впереди, и узнаешь окончательные, роковые разгадки смерти и жизни.

— Что-нибудь придумаем, — на самом деле он не знал, хочет ли он, чтобы Саулемай приехала к нему в Москву.

— Ещё одна пустая фраза, она означает: «Ничего».

Он видел, как водитель, точно маневрируя, развернул автобус, готовясь вернуться в город. Наблюдать за работой шофера было одно удовольствие.

Снег повалил гуще, Андрею показалось, он услышал гул в горах. Кажется, поход на плотину сделался бессмысленным. За всю свою жизнь в родной Алма-Ате, он так и не удосужился узнать, сколько ступенек у плотины Медео? Восемьсот? Тысяча? Хотелось честно понять на практике, не заглядывая в энциклопедии, но, поднимаясь множество раз на плотину и каждый раз считая, он каждый раз сбивался со счета.

Саулемай нервно усмехнулась:

— Кажется, мы приехали на Медео как снобы, выпить по чашке кофе? «И поговорить».

— Ты читаешь мои мысли.

— Хочешь вернуться? Я продолжаю читать твои мысли.

— Вероятно, нам придется, — он кивнул на окно, — сплошной снег.

— А по прогнозам обещали небольшой снежок. И не сейчас, а ближе к вечеру...

Он подумал: «И прогнозам не верь».

Саулемай закусил губу и отвернулась к окну. Отлично, когда столик у окна, в любой момент можно сделать вид, что смотришь в окно. Саулемай уже видела эту картину, она одна едет на Медео. Андрей уедет в Москву, он уедет насовсем, он никогда не вернется, если надо, он бросит и мать, и ее, Саулемай. Всё в жизни происходит именно так, навсегда. И она приедет в это их кафе одна. В её жизни будет её школа, её малыши-коротыши-первоклашки, её общежитие, пока ещё крепкие, но уже пожилые родители, Алма-Ата и Каскелен, и больше ничего, — «и это будет всё, и это будет вечно». Какое-то время она будет ждать

его, потом всё закончится. Жизнь оборвется именно так.

Это было унинительно, но Саулемай захотелось заплакать. Андрей похолодел. «А вдруг она права, и мне не привидятся мои сценарные диалоги?» Он смог отогнать эту мысль, подозвал юную официантку, расплатился за кофе. Они вышли из «Совы», застегнули куртки, надели капюшоны. Дрожащими пальцами Саулемай цепко взяла Андрея за руку.

Погаснут звезды, закончится время, исчезнет всё, а они с Саулемай так и будут сидеть друг напротив друга в этом кафе, и будет Медео, ели и сосны, снегопад, горы, облака, плотина и лимонное южное солнце марта. Мысль была настолько гипнотической и сильной, что Андрей, похлопав себя по карманам куртки, открыл дверь и заглянул в кафе.

— Что-то забыл? — Тон у Саулемай был шаткий, пограничный, готовый сорваться или в крик во время шторма, или в температурный любовный шепот.

— Показалось, — плотным, но легким как снег безразличием он укрыл потрясение от увиденного, — так плотина или автобус?

— Ты мужчина, ты решай.

Снег шел хоть и проглядной, но стеной. Хлопья были такими прекрасными в своей inferнальной бесшумности, что казалось, они сыплются из потустороннего мира.

Он понял, чему про себя улыбнулась Саулемай, там, в автобусе...

— Я хочу решить так, как хочешь ты.

...она вспомнила их первый поцелуй, первая снежинка пустого снегопада.

— Я хочу, чтобы ты остался, — Саулемай подумала о том, что у неё, может быть, ещё есть шанс, пока они будут карабкаться по этим чертовым ступеням.

Понимая, о чем она думает, он задавил истерику, сильнее, до боли сжимая её руку, и, прищурив глаза, двинулся сквозь невесомый снег в сторону плотины. Надо сосчитать ступени, возвращаться в город сейчас было бы нелепо. Андрей подумал: «В последний раз», но сказал другое:

— Мы должны сделать хотя бы это.

Юрий Серов

ДВА СНЕЖНЫХ УТРА

рассказ

Когда Толя вышел из темноты на улицу, белый свет ударил по глазам, и в висках закололо. Выпавший ночью снег, лежащий вокруг ровным покрывалом, вызвал раздражение, и Толя пнул сугроб ногой, но нога не послушалась, улетела куда-то вбок и потянула его за собой. Толя ударился спиной, и на несколько секунд грудь сжало, и воздух вернулся не сразу, а когда вернулся, то вся невесть откуда взявшаяся злоба улетучилась.

Толя раскинул руки в стороны. Над головой пролетали лёгкие облака, и на непривычно ясном голубом небе светил яркий желток солнца. Толе хотелось есть, с похмелья он всегда готов был сметать всё, что находил в холодильнике, но идти домой было рано: Галка наверняка ещё не ушла на работу и с удовольствием набьёт ему бока за ночную пьянку. Толя взял рукой снег, растёр им лицо, хватанул пару раз ртом. Свежий снег был вкусен и холоден.

Толя поднялся и побрёл по городу. Частный сектор и старый деревянный домик, в котором они отмечали с друзьями чью-то получку, остались позади. Город наваливался на Толю махинами-громадинами. От бесконечного людского потока закружилась голова, и перед глазами потемнело так, что хоть волком вой. Спасаясь, Толя свернул в тихий переулок, отдышался и пошёл дальше окольными путями, минуя большие дороги.

Юрий Серов — писатель, сценарист, автор графических произведений. Родился в 1987 году. Живёт в г. Мытищи Московской области. Обладатель Гран-при в номинации «проза»: конкурс Льва Ошанина (2012); Лонг-лист премии «Дебют» (2012); Лауреат премии «Книга года Германии» (2017); Финалист Всероссийской литературной мастерской АСПИР (2022); Лонг-лист премии «КоММиссия» (2022) за графический рассказ «Пески», часть 1; Участник фестиваля «Комикс-Миссия-2023» («Пески», часть 1 и 2); Публиковался в толстых журналах, литературных журналах и газетах; Автор книг прозы «Главные вещи», «Воины Андеграунда», «Букер», «Многоточие»; Автор графических произведений «Пески» и «Зелёный мир».

Толя добрался до дома и дождался открытия булочной. Булочная начинала работать в девять утра, а к этому времени Галки уже обычно не было. Толя выждал ещё несколько стратегических минут и прокрался к подъезду. Быстро набрал код и прошмыгнул внутрь. Темнота подъезда умиротворяла, на пятый этаж Толя поднялся спокойно, уверенно открыл дверь, но тут же зажмурился: сильнее даже, чем от утреннего света.

Вылетевшая в коридор жена, вооружённая скалкой в правой руке и небольшой сковородкой в левой руке, атаковала без предупреждения, и, беспомощно крикнув, прикрывая лицо от ударов, Толя капитулировал обратно в подъезд, где пропустил приличный выпад (скалка обрушилась за правое ухо) и полетел вниз, не ощущая ног под собою.

— Чёрт поганый! Пьянь! — кричала сверху жена. — Чтобы ноги твоей дома не было! К своим друзьям-алкашам вали!

Вдогонку кинули сковородку: она чиркнула по макушке и, громыхая где-то рядом, пугая поднимавшихся соседей, прижавшихся в страхе к стенке и пропускающих столь шумную процессию, благополучно вместе с Толей добралась до первого этажа. Там Толя поднял трофей, сунул за пазуху и вышел на улицу.

На улице шёл снег. Он падал крупными хлопьями, похожими на клочья ваты. Толя постоял, раздумывая, где можно поесть и передохнуть, и заметил дворника Алика. Алик собирал снег с тротуаров в большую кучу.

— Алик! — закричал Толя. — Кет сюда!

Алик, услышав призыв, испугался (он не любил местных любителей заложить за воротник) и замахал руками, показывая, что работы много, и пост нельзя покидать.

— Сковородка нужна? — спросил Толя. — Советская! Крепкая! Голову до крови разбивает!

— Что я с ней делать буду? Мне надо сковородку, чтобы кушать, а не головы бить, — ответил Алик.

— С ней можно и есть, и головы бить, если нужно! Пятьсот рублей! Кет сюда!

Алик вздохнул, убрал ловким движением лопату в сугроб и подошёл к Толе. Сковороду ему пришлось купить, иначе от Толи он бы не избавился. Довольный сделкой Толя исчез со двора, а Алик продолжил чистить снег.

В кафешке, где наливали стопочку и угощали приличным завтраком, Толя потратил вырученные деньги и долго, с удовольствием, сма-

куя каждый кусочек, ел яичницу с жареными колбасой и картошкой, запивая завтрак кофе «3 в 1». Он опохмелился тремя рюмками, закусил бочковым огурчиком, заказал ещё кофе, и когда понял, что можно и честь знать, покинул заведение.

Часы на торговом центре показывали половину одиннадцатого утра. От нечего делать Толя пошёл в парк и сел на скамейку. Желудок, наконец, успокоился, а голова, получившая прилёт сковородки, снова разболелась. Толя зачерпнул снега, слепил из него снежок и приложил к ноющему месту.

Немного погода, отпустило. Толя выкинул снежок и вдруг заметил под лавкой что-то чёрное. Нагнулся, подцепил ловкими пальцами (привычное движение!), глянул вправо-влево (никого) и разглядел находку. Мужская сумочка, внутри банковские карты, три тысячных купюры, фото женщины и маленькой девочки, телефон. Толя кликнул на него: заблокирован, на блокировке аватарка той же девочки с фото. Много пропущенных вызовов на экране: мама, дочка, жена. Толя нажал на крестик, и все уведомления исчезли, осталась лишь девочка. Он смотрел в её зелёные глаза мутными бесцветными глазами и прикидывал сколько выручит за телефон в ломбарде: за айфон дадут тысяч десять-пятнадцать, можно здорово кутнуть на эти деньги.

Внезапно телефон зазвонил, напугав задумавшегося Толю. Толя едва его не уронил, но удачно перехватил, заблокировал, спрятал в карман и быстрыми шагами углубился в парк, вспомнив, что если выйти через второй выход, то это сократит дорогу до ломбарда.

Прошёл Толя немного и вдруг встал как вкопанный. Впереди на тропинке лежал мужчина в чёрном пальто. Из пальто в области спины торчал нож. Толя взглянул на посиневшие руки, лужу крови, на которую падали сверху снежные хлопья, связал всё это с найденной сумочкой и бросился наутёк.

Телефон и сумочку он тщательно протёр от своих отпечатков и выкинул в ближайший мусорный контейнер, деньги оставил себе и направился обратно в частный сектор, к друзьям. Испуганная душа требовала залить страх водкой: срочно! Срочно! Срочно!!!

Когда мандраж поутих, Толя остановился и отругал себя за расточительность: на эмоциях выкинул целый айфон, а потом вспомнились глаза девочки, и в душе образовалось какое-то новое, доселе неизвестное ему чувство, и Толя стал себе противен, как никогда в жизни. Он заплакал, но слёзы не текли из его глаз, видевших многое и не ви-

девших ничего. Отвернувшись, чтобы его не заметили прохожие, Толя опёрся ладонями на фасад дома. Никто Толю не трогал, он был всем безразличен.

Успокоившись, Толя пошёл обратно к мусорному контейнеру. Мусоровоз ещё не приезжал, и он, покопавшись внутри, достал сумочку с телефоном.

Вскоре телефон зазвонил снова. На экране высветилось «Дочка», и Толя принял звонок.

— Алё! Алё! Говорите! — закричал он в трубку.

— Ой, дяденька! — услышал Толя детский голос. — Вы, видимо, нашли папин телефон! Он потерял его где-то в парке, мы вчера гуляли! Пожалуйста, можете его нам привезти? Там много фоток, они очень дороги папе!... Мы вам заплатим! Пожалуйста!

— Твой папа не в чёрном пальто?

— Э-э-э... Нет... Он был в лыжном костюме, и сумочка такая, на пояс крепится, а сегодня ушёл на работу в куртке. Э-э-э, в синей куртке. У него никогда не было пальто.

— Слава богу, — сказал Толя. — Куда ехать?

— Мы на улице Фучика, двенадцать, двадцатая квартира. Пожалуйста, привезите.

— Хорошо. Я сяду на трамвай и доеду до вас.

За айфон ему дали пять тысяч, и Толя положил их к трём тысячам, что бессовестно украл из сумочки. Теперь денег было в достатке, но оставалось незавершенное дело. Понимая, что оно может грозить серьёзными проблемами, Толя всю обратную дорогу размышлял, стоит ли в него ввязываться, но опять перед взором всплывали зелёные глаза девочки. Сколько было в них счастья, когда Толя вернул папин телефон! И это новое неведомое чувство снова зудело внутри.

Мужчина в пальто был на месте. Нож тоже был на месте. Снег по-прежнему сыпал сверху, но в мире словно что-то переменялось. Толя достал из кармана кнопочный мобильник (Галка не позволяла покупать другие: пропивал и терял их столько, что со счёту сбились), и набрал «112».

Не успел Толя и сигареты выкурить, как приехала полиция. Следователь узнал его и приняли сначала как подозреваемого, но через три дня отпустили: улики говорили о другом человеке.

Утром третьего дня Толя покинул следственный изолятор и пешком через весь город шёл к дому. Безумно хотелось расслабиться и выпить стопочку-другую, но Толя больше не хотел потакать тёмным

желаниям. Галке, которая собиралась на работу и не стала устраивать ему взбучку, он так и сказал:

— Хочу всё изменить. Больше не хочу так жить. Хочу уехать отсюда и начать всё заново.

— С дуба там что ли рухнул в своей кутузке?! Кто тебе здесь мешает начать всё заново? Для начала бухать прекратить, да по ночам шляться! И работу толковую найти! Руки-то не из одного места растут вроде!

— Ты не понимаешь! — разозлился Толя. — Здесь не дадут!

— Когда слаб духом, нигде не дадут!

Галка надела сапоги, покрутила пальцем у виска, но уходила, переживая: таким странным мужа она никогда не видела.

Толя посидел недолго в квартире, оделся и вышел на улицу. Утро хрустело снегом, морозец румянил щёки, и детвора кричала, катаясь с горки, и радовалась выходному, и мир был прекрасен, и не было во Вселенной мира прекрасней, чем сегодняшним утром. Толя постоял и поглядел, как веселятся дети, и задумался: здесь не дадут. И задумался, куда идти, когда слаб духом...

Андрей Егорин

ВОЗДУШНЫЙ ШАР

рассказ

Лена Ромашкина любила писать сочинения, но только не на тему «Как я провел лето». Было в этом что-то обязательное, совсем не располагающее к творчеству.

Может, потому что каждое лето было похоже на предыдущее, как сервизные чашки в серванте? Или ей просто не хотелось посвящать других людей в свой мир? Пожалуй, и то и другое.

Писать, что научилась наконец-то варить рассольник и ставить хлебный квас, который так нахваливал папа? Или что начала учить испанский язык по телевизору? Это где в начале передачи мультипликационные Дон Кихот и Санчо Панса скачут к мельнице? Или что прочитала четыре книжки и посмотрела все документальные фильмы о природе?

В прошлом году они разок выбрались с семьей на озеро и на дачу к маминой подруге, а в этом все каникулы дома просидела, не получилось никуда поехать.

Родители, правда, довольны — в доме всегда порядок, покушать всегда приготовлено, посуда, опять же, помыта.

Такие мысли крутились в голове Лены в конце первой учебной недели, когда настала пора сдавать то самое сочинение. Хорошо, что в этом году разрешили написать его дома. И правильно, ну что можно написать за сорок пять минут?

С недавнего времени в школе многое стало как-то иначе: отменили форму, перестали ругать за «неприличные» прически, а на классных часах теперь можно было обсудить новые фильмы и пластинки.

Андрей Егорин — родился в 1976 году в Алматы. Выпускник филологического факультета АГУ имени Абая. По специальности «учитель русского языка и литературы» поработать не довелось, в настоящее время работает в пресс-службе. Активно публикует в социальных сетях свои эссе, зарисовки и рассказы. В центре произведений автора — люди, большие и маленькие. Выпускник трех ступеней литературной школы Ильи Одегова «Литпрактикум». В настоящее время готовит к изданию свой первый сборник рассказов.

«А не написать ли мне про идеальные летние каникулы?» — подумала Лена, и сразу в голове промелькнули несколько картинок. Улыбнувшись самой себе, она приняла решение.

Лена написала, как в первый же день летних каникул она взошла в корзину воздушного шара и отправилась на нем в захватывающее путешествие.

Она красочно описала полет над родной школой, где только что отзвенел последний звонок, рассказала, как выглядят сверху пригородные поля с зеленеющей пшеницей и восхитилась близостью и красотой заходящего майского солнца.

«Вечером стало прохладно, и я уютно устроилась на дне корзины, завернувшись в теплое одеяло. Спалось на свежем воздухе очень хорошо, а проснувшись, я слышала пенье птиц и приятную музыку где-то вдаль. Я выглянула вниз и сразу поняла, где нахожусь! Это Париж, и прямо рядом со мной в этот момент показался шпиль Эйфелевой башни! Здесь я решила сделать первую остановку и привязала свой воздушный шар к самой его макушке».

После прогулки и ночевки в Париже фантазия Лены направила повествование в сторону Англии, где она оказалась уже на следующий день и посетила несколько знаковых мест, а очередным пунктом стал шотландский Глазго.

Здесь реальная Лена решила перевести дух и устроить себе полдник из двух пряников и стакана молока. Сделав последний глоток, она зажмурилась и представила себя в порту этого старинного города, у борта красивейшей яхты, паруса которой призывно надувались под порывами северного ветра.

Лена почувствовала, как холодные струи обдували ее в маленькой комнате с приоткрытым окном, за которым не было никакого порта с кораблями, только детская площадка, старый тополь и брошенный кузов от Москвича.

«Здесь я сдула свой воздушный шар и оставила его на хранение смотрителю портового маяка — доброму дедушке Пьеру, а сама пересела на шхуну, отправляющуюся в кругосветное путешествие», — продолжала писать Лена.

Она так увлеклась сочинением, что перестала обращать внимание на все происходящее рядом. Четырнадцатилетняя писательница не слышала, как пришли с работы родители, она в это время пересекала экватор и готовилась по морской традиции прыгнуть с борта в теплую воду, а когда мама позвала всех ужинать, Лена уже обогнула мыс горн и двигалась вдоль Чилийских Анд.

В одиннадцать часов Алешка начал укладываться спать, и Лене пришлось включить настольную лампу.

— Лен, а ты чего там строчишь весь вечер? Чего спать не ложишься? — спросил брат, слегка позевывая.

— У меня сейчас полдень, Алешка.

— Где это у тебя?

— В Австралии, где же еще?

— Ну-ну.

Через пару минут он уже сладко сопел и не знал, как далеко на самом деле в этот момент находилась сидевшая рядом сестра.

...а когда вышло солнце, и облака рассеялись, я снова увидела свой город, по которому очень соскучилась за эти месяцы. Запас водорода в шаре как раз почти вышел, и я плавно опустилась на окраине и первым утренним трамваем вернулась домой.

— Браво, Ромашкина, настоящая приключенческая повесть у тебя получилась, — сказала учитель русского языка и литературы Лидия Семеновна, закончив читать вслух перед классом сочинение Лены, — учитесь, ребята, так красиво выражать на бумаге свои чувства и мечты — признак большого писательского таланта! Молодец, Лена, пятерка в тетрадь и в дневник!

Вернувшись за свою парту, покрасневшая Лена почувствовала совершенно новый вид радости. Оказывается, это очень приятно, когда твои строчки читают и слушают, а получить похвалу от строгой Лидии Семеновны, было вообще сродни чуду.

Но это приятное чувство длилось недолго. После того, как прозвенел звонок и все стали собираться домой, она услышала у себя за спиной ехидный шепоток.

— Воздушшшшный шар!

Это сказал Валерка Петров, противный коротышка, любящий дразнить девчонок и навешивать прозвища. Лена решила не реагировать, но тот не унимался.

— Эй, воздушный шар! Ты у нас теперь сочинительница, как этот, Чехов! — развивал наступление Петров, заслонив проход однокласснице.

По классу тут же прокатился взрыв хохота.

Первые слезы появились на глазах, когда девочка забежала за угол школы, словно кто-то внутри сдерживал их, не позволяя Лене расплакаться на людях.

Утирая глаза и щеки, она бежала по улице, не замечая ничего вокруг и не помня, что еще вчера улыбалась осеннему солнцу и собирала здесь душистые кленовые листья для гербария.

Ей хотелось скорее прийти домой, закрыть дверь и оказаться в милой сердцу квартире, где ее точно никто не обидит и не будет смеяться над тем, что ей дорого.

Хорошо, что Алешка учился со второй смены и уже убежал в школу.

Придя домой, Лена взглянула на себя в зеркало. В отражении она увидела себя с новым выражением лица. А еще она вдруг поняла, что прилично поправилась за это лето, и прозвище «воздушный шар» теперь точно прилипнет к ней намертво.

В этот день Лене уже не хотелось ни пряников, ни молока, ни книг с телевизором. Легче ей стало только тогда, когда она, свернувшись калачиком и укрывшись клетчатым пледом, улеглась в папином кресле.

Здесь она всегда чувствовала себя защищенной, как раньше у папы на руках, но теперь ведь не попросишься к нему на ручки, четырнадцать лет как-никак.

За ужином родители заметили, что с Леной что-то не то. Но она сказала, что просто не выспалась, и Алешка подтвердил, что сестра что-то писала всю ночь.

— А что писала, доча? — спросил папа.

— Сочинение.

— И как, получилось?

— Да, пятерку поставили.

— Умница, Ленок, молодец, — сказал папа, улыбнувшись, а чего не хвастаешься? В школе все хорошо?

— Да, папа, просто забыла, — сказала Лена.

— Дашь почитать сочинение?

После ужина Лена отдала отцу тетрадку с сочинением, помыла посуду и отправилась делать уроки. Покончив с алгеброй и географией, она вышла из детской, чтобы забрать тетрадь.

Папа курил на кухне, выпуская дым в открытое окно. Увидев дочку, он смущенно улыбнулся и затушил сигарету.

— Прочитал?

— Шесть раз, Лена, и еще хочу. Это лучшее, что я когда-либо читал. Какая же ты у меня талантливая, каждое слово на своем месте, каждая буква, а какой сюжет!

— Спасибо, папочка, — прошептала Лена и обняла отца.

— И, еще, Лена. Прости меня за это лето. Знаешь, наш завод скоро могут закрыть, что-то там не выходит, поэтому я решил работать без отпуска, пока платят, и ваши каникулы, выходит, профукал.

— Ну что ты, пап, знаешь, как я хорошо отдохнула, а сколько нового узнала!

— Знаю, доча, вижу.

— Вот, а с работой твоей все будет хорошо, не смей расстраиваться, закроют завод, что-нибудь придумаем. Возьмем участок, картошки посадим, помидоров с огурцами. Сейчас многие так делают

— Спасибо доченька, успокоила, — сказал отец и поцеловал Лену в макушку, — у тебя в школе точно все хорошо?

— Да, — твердо ответила Лена, — все очень хорошо!

— Если что, знай, что я всегда с тобой, доча. Просто знай и верь, и все будет хорошо.

— А я всегда с тобой, папа.

Отец и дочь еще немного постояли, обнявшись и, вдохновленные какой-то светлой силой, которая образовалась между ними, отправились доделывать свои вечерние дела.

На следующий день Лена шла в школу абсолютно без каких-то страхов. А когда противный Петров затянул свою шарманку про воздушный шарик, она лишь снисходительно улыбнулась в ответ.

— Ленка! Эй, Ленка, ты чего? — только и успел крикнуть ей вслед Петров.

Она чувствовала дыхание свежего ветра, в который вплелись запахи Перуанских Анд, Трафальгарской площади, Австралийских прерий и чего-то еще, пока не узнанного, но заставляющего сердце биться чаще, чем обычно.

«Все будет хорошо», — вдруг вспомнила она вчерашнюю фразу папы и поняла, что все действительно будет хорошо, нужно лишь любить и верить тому, кто от всей души произносит эти волшебные слова.

Анатолий Батомункуев

ПОВОРОТНЫЕ МОМЕНТЫ

рассказ

Глубоко затянулся и щелчком отправил окурок в урну. Подъездная дверь скрипнула, вышел сосед сверху, поздоровались. Домой идти не хотелось. Холодный осенний ветер гонял по тротуару разноцветную листву, уставшие люди торопились после работы по своим квартирам. Скоро будет полгода как они семьей переехали из деревни в город. Полгода Ольга пыталась создавать уют в съемном жилье, но все никак не получалось.

Андрей достал сигарету, снова закурил. Шесть лет назад, на свадьбу им подарили красивую большую рамку для фотографий. Она была разделена на семь частей, и в нее можно было поместить несколько различных по размеру снимков. Андрей мечтал, что купит еще несколько таких же рамок и сделает целую галерею счастливых поворотных семейных моментов.

Сначала молодожены разместили в рамке фотографии со свадьбы. Тут симпатичный брюнет-жених в сером пиджаке и очаровательная блондинка-невеста в белом кружевном платье, с двух краев кусают затейливый каравай. Чуть ниже — их первый семейный поцелуй. Через несколько месяцев начали вставлять в рамку фото из роддома, и в итоге почти все место заняла Даша.

Анатолий Батомункуев, 42 года. Родился и вырос в г. Улан-Удэ, республика Бурятия, Россия. С детства увлекался литературой, пробовал писать стихи и небольшие рассказы. В зрелом возрасте вернулся к творчеству. В 2021 г. попал на обучение к Илье Одегову на курс «Литпрактикум». После окончания курса принялся изучать теорию литературного мастерства. Большим толчком в 2024 году стало участие в литературных мастерских, организованных АСПИР. Сейчас готовит материал для сборника рассказов. Воспитывает особенного ребенка, планирует написать цикл рассказов для детей, стремится, чтобы его произведения придавали сил и были поддержкой для людей в трудные моменты. Публиковался в региональных и межрегиональных литературных сборниках.

Вот на фото счастливые молодые родители. Рядом, под снимком из ЗАГСа, портрет сморщенного человечка, замотанного в одеяло с розовым бантом. На последнем, прошлогоднем фото, Дашке четыре года. Она сидит между Андреем и Ольгой, наклонив голову и приоткрыв рот, смотрит куда-то мимо объектива, родители уже не улыбаются. Чтобы запечатлеть их семейное счастье хватило и одной рамки.

— Андрей! Здравствуйте!

Соседка с нижнего этажа строго смотрела поверх спущенных к кончику носа очков.

— Добрый вечер, Лидия Михайловна, — выйдя из раздумий, поздоровался Андрей.

— Вчера вечером у вас опять шумно было.

— Было. Даша расшалилась, простите.

— С детьми поостроже надо, не то совсем вам на голову залезут!

Андрей кивнул. Рассказывать, что у дочки снова случился припадок, совсем не хотелось.

Дверь в квартиру открылась сразу же после звонка. Ждали. Ольга привычно чмокнула в щеку, Дашка вертелась рядом. Точнее, не вертелась, а бегала босиком от стены до стены коридора, врезаясь в них лбом. Как обычно. Чтобы не убилась, в этом месте наклеили толстые обои в несколько слоев.

— Долго уже?

— Минут двадцать. Ездили на первое занятие по сенсорике, пробовали разные утяжелители, мячики, массажеры. Видимо, оттого такая взбужденная. В такси садиться не хотела, истерику закатила. Хорошо, что водитель спокойный попался. Видимо, придется пешком ходить.

Ольга ушла на кухню. Андрей присел на стульчик, чтобы разуться.

Внезапно Дашка, развернувшись, с разбега врезалась в отца. От удара головой в переносицу у Андрея в глазах вспыхнули искры. Вскрикнув, он зажал нос руками, чем развеселил дочь, и она снова попыталась боднуть его головой.

На шум прибежала Ольга, схватила Дашку и понесла в комнату. Та начала орать, пинаться и хвататься за все до чего могла дотянуться. Андрей пошел в ванную. В зале что-то грохнуло. По батареям застучали соседи. Андрей набрал в ладони холодной воды и ополоснул лицо. Хотелось закричать. Заорать как Дашка, во все горло. И орать пока не кончится дыхание.

Утро выдалось пасмурное. По дороге на работу попал под моросящий дождь. Сидя за монитором, Андрей невольно потер переносицу. Со

вчерашнего дня еще побаливала, но, синяка не было, слава Богу. Дверь в офис приоткрылась. Директор стоял, прикрыв телефон ладонью.

— Андрюха, там кирпич привезли. А я Иваныча отправил с погрузчиком в ремонт. Покажи, куда разгружаться.

На улице тархтел старый японский грузовичок с краном. В кузове стояли поддоны с уложенными красно-коричневыми кирпичами. Андрей прошел вперед и махнул рукой, чтобы машина следовала за ним. Когда доехали до места, из кабины вылез бородатый старик.

— Слушай, парень, у вас есть погрузчик?

— На ремонте. Тебе зачем, у тебя же кран?

— Чалки цепные короткие, не зацепимся. А тряпичные худые совсем.

— Ну, у нас чалок нет. Можете привезти груз потом.

— Опять с кирпичами по городу мотаться не буду. Давайте как-нибудь разгрузимся.

Старик подошел к манипулятору и стал выдвигать подпорки. Из кабины выпрыгнул паренек и залез в кузов. Зацепил к поддону и крану выцветшие ремни и крикнул:

— Вира!

Стрела крана со скрежетом начала вытягиваться. Грузовичок затахтел еще громче заполняя все пространство вокруг выхлопными. Первый поддон приподнялся над кузовом, плавно поплыл в воздухе и встал на место. Второй поддон зацепили так же. Снова заревел грузовичок, выстрелив в воздух черное облако дыма. Снова заскрежетала стрела крана. Поддон снова поплыл в воздухе. Андрей заметил, что у поддона отсутствует одна нога. Крикнул парню в кузове:

— Посмотри там ногу! Так поддон ставить нельзя, завалится.

Но из-за грохота тот ничего не услышал. Андрей подошел ближе. Дальше все случилось очень быстро. Раздался хлопок и лопнувший ремень описав в воздухе дугу впился железным крюком Андрею в висок. Он упал, а сверху увесистыми тумачами по голове и спине посыпались кирпичи.

Очнулся уже в палате. Жутко хотелось пить и раскалывалась голова. Чувствовал себя будто с чудовищного похмелья. Потрогал место удара, ничего не нащупал, голова была полностью забинтована. Попробовал открыть глаза и сразу сощурился. Утренний свет наполнил белую палату до рези в глазах. Андрей лежал у стены. Под окнами стояли две кровати, и еще одна напротив входа.

— О, очухался! — радостно прохрипел кто-то у дальней стены, — проснись и пой! — попытался протянуть незнакомец, но захлебнулся тяжелым надсадным кашлем курильщика, — черт побери, от этого

кашля остатки мозгов полопаются, совсем дурак стану — просипел он, — как звать-то тебя, землячок?

Язык еле шевелился и словно прилипал к небу, в горле першило.

— Андрей. Давно я здесь? — спросил Андрей.

— Меня Цырен зовут. Из реанимации тебя вчера привезли. А сколько ты там был, я не знаю.

— Позови медсестру, пожалуйста.

— Обход уже начался, подожди. Если я звать их начну, то точно не придут. Загонял я их тут! — Цырен и радостно захохотал.

Андрей не дождался обхода, уснул. Сквозь сон отвечал врачу на вопросы о своем самочувствии, просил у медсестры попить и снова погрузился в забытие.

Наступила черед беспорядочного бодрствования и сна. Андрей просыпался и ел, но немного. Вставать не разрешали, а каждый раз звать медсестру, по нужде было очень стыдно и неудобно. Медсестра приносила утку, и Андрей просил не смотреть на него.

От долгого лежания все тело онемело, руки и ноги стали непослушными, как будто отяжелели. Врач сказал, что, возможно, сказываются последствия травмы, и запрещал излишнюю физическую активность. Для человека, выросшего в деревне и работающего с ранних лет, это было тяжело.

Иногда видел во сне жену и дочь, и на него нападало какое-то беспокойство, он просыпался, но в голове словно выключался рубильник, и Андрей засыпал. И спал так безмятежно, как будто высыпался за последние годы. Научился отдыхать, не замечая болтовню неумолкающего Цырена.

Через неделю врач разрешил ему сидеть, а в палату пускать посетителей. В первый же день к соседям набежали. Принесли кучу разной снеди, наполнили палату многоголосьем, букетом запахов домашней стряпни и духов. К концу недели посетители иссякли. Не приходили только к Андрею и Цырену.

— Смотрю, совсем ты никому не нужен, Андрюха! — язвил Цырен, — семейство-то твое отдыхает от тебя, видать! Жена уже, наверное, себе нового мужа нашла, с целой головой!

Обычно в такие моменты Цырена заставляли замолчать соседи, но сейчас они остались вдвоем. Андрей уже привык к своему бестолковому сопалатнику, но эти слова, сильно задели что-то внутри. Не про него, про Ольгу. Кровь закипела, явственно пульсируя в пробитом виске. Собравшись с силами, Андрей оперся на локоть и свесил ноги с кровати.

Выдохнув, распрямил колени и вытянулся во весь рост. В глазах на секунду потемнело, голова закружилась, но через пару глубоких вдохов все прошло. Андрей сделал пару неуверенных шагов в сторону обидчика.

— Ой! Дяденька рассердился! Брови нахмурил, сейчас ругаться будет! — захохотал Цырен, затем внезапно громко заверещал дурным голосом, — помогите! Хулиганы зрения лишают! — и снова закатился хриплым смехом.

В палату ворвались доктор и медсестра.

— Что здесь происходит? Вы почему без разрешения встали с койки?! Видимо, пора вас, Андрей, выписывать. Раз уж драться собрались, то дело пошло на поправку, — улыбнулся доктор, — к вам посетители, кстати. Давно просились, но я не разрешал. А сегодня, видите, как получилось, на ногах встретите семью.

В палату вошли Ольга с упирающейся Дашкой на руках и мама. От волнения Андрей немного поплыл и сел на койку. Бледная Ольга поставила дочку на пол и упав на колени, крепко обняла мужа. Мама всхлипнула и прижала Дашку к себе. Андрей нежно гладил волосы жены и шептал что-то утешительное. Дашка внимательно смотрела на отца и сначала не узнавала его. Но, узнав, подбежала и стала срывать с его головы повязку. Ольга оттаскивала дочь от Андрея, но Дашка кричала, вырывалась и вновь кидалась к отцу. Вмешался доктор и попросил всех покинуть палату.

— Может быть вам лучше побыть у нас еще немного? — спросил доктор, когда все ушли, он, смущался и подбирал слова, — все-таки вам нужен покой и уход. Если условия не позволяют, то можете остаться еще на неделю.

— Я поеду домой, — коротко ответил Андрей.

Не любил он таких вот сочувствующих, жалеющих его взглядов. После тихих и однообразно спокойных дней сегодняшней лишил его сил. Он лежал, положив ладони под затылок и глядел в потолок.

— Андрюха, ты это... — начал было Цырен и осекся, — короче, дурак я старый. Ну, это ты знаешь. Язык длинный, без костей. Били меня за него неоднократно. По молодости как на собаке заживало, а в последний раз сюда вот попал. Короче, своей смертью не помру, горбатого могила исправит! — хохотнул он, но как-то печально, — после армии женился я. На однокласснице своей, на Долгорке. Самая тихая в классе была. Как она согласилась? Зачем? Любила, потому что. А мне что, надо? Веселье давай! Гулянку! Друзей и пьянку! Вернусь, к примеру, через несколько дней непонятно откуда, а она не ругается, только тихо

попросит, чтобы не делал так. Да разве остановишь меня? Нет! Потом дочка родилась, назвали Туяа — Радуга значит. Имя красивое, а сама девчонка получилась страшненькая. Не могли понять, что с ней, в улусе рядом врачей-то нет. Потом выяснилось, что у нее синдром Дауна. Я на Долгорку ругался, зачем мне такую уродину родила. А она не отвечает ничего, только убежит и плачет. Так и жили, я пил да дрался, жена дочку растила. Как-то просыпаюсь с похмелуги дома, а жена с дочкой руках рядом стоит. Туяа ручки ко мне тянет, а я как рявкну на них: — Глаза бы мои вас не видели! Покоя от вас нет! — и ушел похмеляться. А Долгорка взяла дочку и ушла к реке. Через три дня нашли их ниже по течению. Похоронили. Я поначалу даже облегчение какое-то испытал. Потом что-то доходить до меня стало, и стал я пить беспробудно, чтобы не трезветь. А время шло, дружки кто женился, кто помер, родня давно на меня рукой махнула. Вот мне пятьдесят три, и понял я что за всю жизнь по-настоящему меня любили только два человека, жена и дочка. Которых я и погубил. Это я к чему все, Андрюха? Не сдавайтесь. Ты не то, что я. Пусть у вас все будет хорошо. Прости меня, балбеса старого!

Последние слова дались Цырену тяжело, нахлынувшие воспоминания словно сдавливали горло. Слезы катились по серому морщинистому лицу.

В понедельник коллеги помогли добраться до дома и подняться на этаж. Войдя в квартиру Андрей, с удовольствием погрузился в любимые ароматы. На кухне благоухал яблочный пирог и булочки с корицей. К возвращению мужа Ольга нарядилась, сделала праздничную прическу и макияж. Поддерживая за руку, помогла ему устроиться на диване в зале.

— Ну, наконец-то вернулся! — голос её звенел искренней радостью, — как же я соскучилась! Столько рассказать надо! Дашка на занятиях успехи показывает. Небольшие, но стабильные. Мама с отцом решили в деревне дом продать, в городе жилье купить. Вместе жить будем, нам с тобой полегче. Дашке с бабушкой веселее. Они же с ней подружки! Только мне до аптеки надо сбегать, лекарства тебе и бинты для перевязки купить. Дашка в комнате на твоём телефоне мультики смотрит, я быстро!

Ольга поцеловала Андрея в щеку и выбежала из комнаты.

Хлопнула входная дверь. Андрей с наслаждением потянулся. Новости действительно хорошие. Перевернувшись на бок, он увидел на полу два разноцветных деревянных кубика. Что-то новенькое. Застоявшийся организм требовал разминки. Осторожно перекатившись на пол, Ан-

дрей обнаружил коробку, в которой было еще два кубика. Они были разных цветов и разного размера, причем нижние, самые большие были довольно увесистыми. Судя по картинке их должно быть пять. Сложив разбросанные кубики в коробку, Андрей пополз искать оставшийся. Вдруг он почувствовал рядом какое-то движение и повернул голову. Совсем рядом стояла Дашка, размахивая недостающим кубиком. Она резко сделала шаг вперед. У Андрея пробежал холодок между лопаток.

— Только не в висок! — вскрикнул он, пытаясь защититься.

Аптека в их доме сегодня была закрыта на учет. Ольга с досады топнула по асфальту. Пришлось бежать в другую, на соседнюю улицу. Она уже не помнила, когда выходила без Дашки, и мысль о том, что в данный момент она молодая, красивая и свободная, заставила ее улыбнуться. Ольга подняла лицо к солнцу и сощулив один глаз, засмеялась. И как будто светлее стало вокруг, и будто свежее. Набрав полную грудь воздуха, медленно выдохнула и посмотрела время на телефоне.

Семнадцать минут назад она вышла из дома.

Семнадцать минут назад она оставила непредсказуемую дочку с мужем, которого буквально вернули с того света. Это ввергло ее в ужас. Сердце бешено заколотилось, она стала звонить Андрею, но абонент был недоступен. Может, батарейка села? Ольга развернулась и ринулась домой. Последние метры бежала из последних сил. Тяжело дыша, поднялась по лестнице. Воображение рисовало чудовищные картины и никак его было не унять. Не дыша, открыла ключом дверь, боясь увидеть самое страшное. Прислушиваясь, осторожно зашла в квартиру, на цыпочках прошла и заглянула в зал.

Андрей сидел на полу. Перед ним друг на друге стояли два кубика. Уютно расположившись в ногах отца, сидела Дашка. Ее лицо было серьезно и сосредоточено. Непослушной дрожащей рукой она подносила третий кубик. Андрей, затаив дыхание, смотрел за движениями дочки, придерживая уже стоящие кубики.

От увиденной картины, так разительно отличавшейся от того, что она ожидала, Ольга заплакала. Пережитые только что эмоции кипели внутри, ноги уже не держали.

Она зажала рот рукой, сползала по стене, продолжая беззвучно рыдать. Тушь растеклась по щекам, размазалась помада, резко, неравномерно вздымалась грудь. Вдруг Ольга поняла, что до сих пор сжимает в руке телефон. Продолжая беззвучно всхлипывать, она включила камеру и сделала снимок. Возможно, главный снимок за долгие месяцы. Фотографию счастливого поворотного момента.

Мария Омар

ЁЛКА С ТРУСАМИ

рассказ

— Тихо! Свет горит, не спят...

Марат дергает калитку. Примерзла. Тянем за штакетины. Калитка поддается и соскакивает с петель. Марат хватает ее. Хлопает дверь дома. Пацаны гогочут.

— Быстрее, блин! — шипит Руфинка.

Калитка с грохотом падает, Марат на нее. Помогаем ему подняться. Сзади раздается грубый мужской голос:

— А ну-ка, стойте, сволочи!

Все врассыпную. Я тоже бегу, но ужасно медленно. Ноги ослабли, словно в каждой валенке по пять килограммов железа. Колет в боку. Руфинка рядом. Пацаны — далеко впереди.

Сзади хруст. Хватаю ртом ледяной воздух. Ноги подкашиваются, поскользываюсь и падаю. Лицо обжигается о сугроб. Сзади шаги. Сейчас дядя Рашид схватит меня за шкурку! Пытаюсь встать, поскользываюсь. Лежу, зажмуриваюсь. Тишина. Чувствую на щеках и губах снежинки. Открываю глаза, скашиваю их, медленно поворачивая голову. Никого нет.

Руфинка возвращается и хохочет. Зачерпываю варежкой пушистый снег, кидаю в ее сторону. Рассыпается, не долетает.

— Ну, вставай, — смеясь, подает она руку.

Эта ничего не боится! Погладила один раз по лысине Сигая. Сигая! Тот как с тюряги пришел, присядет в коридоре клуба на кортах и присвистывает, когда мы проходим на дискотеку. Девчонки прошмыгива-

Мария Омар, писательница, живёт в г. Алматы. Автор книги-бестселлера «Мёд и немного полыни» (издательство Zerde Publishing), вошедшей в ТОП-23 художественных книг 2023 года в сети Meloman. Номинация «Открытие года-2024» от подкаста «Книгометр». Публиковалась в литературных журналах «Дактиль», «Простор», ряде печатных СМИ. Более 17 лет проработала журналисткой. Победительница Республиканской ярмарки социальных идей и проектов в номинации «Общественная тема» (Казахстан), победительница областного конкурса статей «Ең үздік мақала» (Актобе). Ведет телеграм-канал «Мёд и немного полыни».

ют быстрее. А Руфинка взяла и погладила! Сигаи улыбнулся щербатым ртом и сказал: привет.

— Вот ты дура! — постучала я тогда по лбу пальцем.

— Лысина так красиво блестела под лампочкой, рука сама потянулась, — сказала она.

— Где Наташка? — спрашивает Руфинка, когда я, отряхнувшись от снега, наконец встаю.

— Не знаю.

Мы осторожно бредем назад. Под светом фонаря видим округлую фигурку. Идет спокойно, будто гуляет.

— Наташ!

Бросаемся к ней.

— Ты что, не бежала?

— Я не могу скакать, как вы.

— Он тебя не догнал?

— Догнал.

— И?!

— Сказала, что шла мимо. А хулиганы убежали.

— А ты не выдала, кто мы?

— Нет, сказала, что не узнала.

— Мне б не поверили, — закатывается Руфинка. — А ты ж у нас дочь директора школы!

Староновогодняя ночь в нашем поселке — особая. Вечером мать убрала со двора ведра, санки, даже чилижный веник и предупредила отца:

— Не забудь снять калитку, а то эти черти утащат. Ищи потом в овраге или в лесу. Что за дурацкая традиция!

— Да, ладно, ты, забыла, что ли, про молодость! — папа выдохнул морозный пар и поддел калитку. — Помнишь, как мы у бабы Зины пса с цепи сперли?

Мама хохотнула.

— Вот дураки были!

Идем с Руфинкой и Наташкой дальше. У школы гогот и скрипы. Пацаны пытаются снять школьные ворота.

— Сейчас сторож выбежит! Да и тяжелые, не унесем.

Ворота с грохотом валятся на снег. Мчимся снова, на этот раз легко, весело, держась за руки. Видимо, дядя Вася спит или побоялся выйти.

— А давайте у Гришки телегу стащим!

— Девчонки, мне пора! — говорит Наташка.

Расстаемся у поворота, я тоже ковыляю домой, и только Руфинка идет с пацанами дальше. Вдалеке слышатся крики и смех.

На следующее утро стоим на линейке в большом коридоре перед учительской. Я не выпалась и то и дело прислоняюсь лбом к спине стоящей впереди меня Вальки. Та каждый раз дергается, я пытаюсь встать ровно, но ноги подкашиваются, а глаза слипаются.

Директор вышагивает перед нашими рядами с заложенными назад руками.

— Все равно узнаю, кто снял ворота! Лучше сами признайтесь!

Руфинка толкает меня в бок, показывает на Наташку. У той лицо под цвет пионерского галстука, мы свои уже не носим.

Сбоку появляется классная, Грымза. Химия на голове взлохмачена больше, чем обычно.

— Лидия Кузьминична, почему опаздываете? — строго говорит директор.

Руфинка держится за живот:

— Ой, не могу!

— Ибраева, ты не в цирке, встань как положено! — рычит Грымза.

После школы Руфинка тащит меня к клубу, где вчера до всех причуд мы танцевали на дискотеке.

— Что мы там забыли?

— Ща, подожди!

Проходим через железную вертушку в заснеженный двор, и я застываю перед огромной елкой. На пушистых ветках развешан серебряный дождь, гирлянды, растянутые женские панталоны, мужские трусы «семейки» в полосочку и лифчики, каждая чашечка размером с голову.

Ерошка, местный пьяница, в ушанке набекрень, рассматривает все это с благоговением, как будто попал в Эрмитаж.

Оглядываюсь на Руфинку. Она хохочет.

— Когда вы с Наташкой ушли, мы поставили перед дверью Грымзы телегу. А это все — Руфинка показывает на елку — у нее во дворе на веревке сушилось.

Обалдевший Ерошка с заиндевевшими усами вытаскивает из-за пазухи бутылку, отхлебывает из горлышка и занюхивает хрустящим бюстгальтером.

Анна Черкасова

УЕХАЛ ЦИРК

рассказ

— Цирк уехал, а клоуны остались. — Клоун дядя Митя пустил струйку слёз из трубочки у виска.

— Шуточки у вас, конечно... — Тоня с недовольным видом изучила своё ярко-жёлтое платье. Для недовольства повода не было — на новый наряд вода не попала. — Так больше не будет ни одного представления?

— Не будет даже половины представления. Даже четвертинки. Даже вот столечко, — дядя Митя сложил в щепотку большой и указательный пальцы, потом этими же пальцами схватил себя за красный нос. Раздался противный звук старого клаксона.

Тоня дёрнула плечом и снова повернулась к афише. Взгляд её проскользнул по прыгающему через кольцо тигру. Не задержался на фотографии семейства далматинов, скачущих на лошадях. Без внимания остался и сам клоун дядя Митя, который старательно жонглировал блюдами, чашками и бубликами. Тоня рассматривала лишь воздушную гимнастку в костюме кошки. Гимнастка свешивалась с блестящей трапеции, удерживаясь на ней одной ногой, под самым куполом цирка. Милая кошачья маска скрывала лицо так, что публике была видна только широкая улыбка артистки.

— Цирк уехал, а клоуны остались.

Тоня обернулась. Она не слышала, как подошла щуплая девочка в потёртых джинсовых шортах и линялой футболке. Незнакомка дружелюбно улыбалась.

— Ох-хо-хо! — засмеялся клоун дядя Митя. Громадная треугольная пуговица на нелепом полосатом костюме оторвалась и со звоном упа-

Анна Черкасова — родилась в Красноярском Крае в 1983 году, детский писатель, прозаик. Автор книги «Инопланетянин из 2 „А“ класса», сказок в сборниках произведений современных детских писателей. Имеет более 60 публикаций в российских детских журналах, таких как «Мурзилка», «Чердобряк», «Вверх тормашками», «Радуга», «Солнышко», «Филчер», а также в зарубежных изданиях «Шалтай-Болтай» (Великобритания), «Сверчок» (Франция). Член Союза детских и юношеских писателей, Творческого объединения детских авторов России.

ла. — Товарищи, не смешите клоуна! Ему нужно паковать чемодан. Однажды он забыл крокодила Тотошу, без которого потом не мог заснуть. И с тех пор, товарищи, у клоуна под глазами тёмные круги.

Дядя Митя ткнул пальцами в грим. Под глазами у него и в самом деле были круги: один синий, другой оранжевый.

Клоун поднял пуговицу и побрёл в шатёр, шаркая огромными башмаками с разноцветными помпонами.

Незнакомка засмеялась.

— Обожаю цирк, — сообщила она Тоне, приветливо улыбаясь.

— Правда? — Тоня щурилась от яркого солнечного света. — Ты была на представлении?

— Ага, — девочка подошла ближе к афише и погладила пальцем нарисованного тигра. — Меня зовут Оля, а тебя?

Тоня обернулась. Рядом никого не было.

— Вообще-то об этом нельзя говорить, — шепнула она. — Поклонники достают... Понимаешь?

Оля покачала головой.

— Дело в том, что я работаю в этом цирке. Я девочка-кошка, — Тоня ткнула пальцем в афишу. — Представления закончились, и у меня сегодня первый выходной за год. Наконец-то! Хочу прогуляться по вашему городу. Может, посоветуешь что-нибудь?

Оля растерянно хлопала глазами.

— Да, конечно, — наконец спохватилась она. — На набережной есть танцующий фонтан. А рядом кафе, там вкусное мороженое.

— Воздушным акробатам нельзя мороженое! — возмутилась Тоня. — Мы должны быть лёгкими, как пёрышко.

— А я думала, что от одной порции хуже не будет, — пожала плечами Оля. — Ещё на набережной можно найти много маленьких скульптур сказочных персонажей. Только они спрятаны среди кустов и деревьев. Но тем интереснее их искать. А если самокат взять в аренду, можно объехать набережную за полчаса.

— На самокате? Ты серьёзно? — бросила Тоня и скривила губы: — Мы много ездим с цирком, часто бываем за границей. Много видела я городов. И вот что я тебе скажу... Все они на одно лицо. Даже скучно! Ужас, как надоедают эти гастроли! Тебе, конечно, не понять...

Из шатра высунулась голова дяди Мити. Он зачем-то надел фиолетовую вязаную шапку-ушанку с кокардой. Клоун сделал вид, что плюнул на палец, и важно поднял его вверх.

— Двадцать три градуса по Цельсию. Шестнадцать ноль-ноль по часам с кукушкой. Два на ниточке и три на верёвочке по клоунским расчётам, — подмигнул он девочкам и снова скрылся в шатре.

Тоня нахмурилась.

— Но раз уж весь этот город приходил смотреть моё представление, то и мне можно посмотреть на этот город, — решительно закончила разговор она, высоко вскинула подбородок и лёгкой походкой направилась прочь.

Дядя Митя вышел на улицу и помахал вслед девичей фигурке в ярко-жёлтом платье своей дурацкой ушанкой. Затем нахлобучил шапку на Олину голову.

— Ну что, деточка, прогулялась?

Оля энергично кивнула. Ушанка сползла на глаза так, что клоуну была видна только её широкая улыбка.

— Удивительный город! — затараторила она. — И люди интересные! Сколько ни ездим, каждый раз поражаюсь! А какая здесь набережная миленькая! Я даже мороженое купила!

— Правильно сделала, — серьёзно кивнул клоун. — От одной порции юной воздушной гимнастке вреда не будет. Сплошная польза и витамин. А теперь беги собирать вещи.

Оля скользнула в шатёр, а клоун дядя Митя принялся сворачивать афиши.

— Цирк уехал... — напевал он себе под нос. — Уехал цирк!

ПØЭЗИЯ

Айгерим Тажи

МЕСТО В РАЮ

* * *

Вот я сижу на чьём-то стуле,
Грызу стекающие груши.
А мой двойник в другом пространстве
Руками ловит мух и пули,
Готовит постное на ужин,
Собой любим, кому-то нужен,
Рисует вазы да цветы,
Сшивает плотные листы
В альбомы, заполняет цветом,
Из лёгких выпускает дым.
Ещё не кажется седым.

* * *

У Каина свадьба сегодня
Молодая жена
Завтра выйдет в берёзовый лес
За чёрными ягодами красящими подол
Возвратится с ромашками
В спутанных волосах
Будет жить запах лета

Айгерим Тажи — поэт, автор книг стихотворений «БОГ-О-СЛОВ» (2004, Мусагет, Алматы) и «Бумажная кожа/Paper-Thin Skin» (рус./англ., 2019, Zephyr Press, США), отмеченных премиями и мировыми изданиями. Автор многочисленных публикаций в литературных журналах и сборниках Европы, Азии, Африки и Америки, в т.ч. в переводе на английский, французский, нидерландский, немецкий, арабский и другие языки. Лауреат Международного литературного конкурса «Ступени» (Москва), финалист Международной литературной премии «Дебют» (Москва) и Волошинского конкурса, вошла в Премиальный лист премии «Поэзия» (Москва) и др. Участница Международного поэтического фестиваля в Роттердаме (2022), Международной писательской программы (IWP) в Айова-Сити (США) 2023 года. Живёт в Алматы.

Ковыряя варенье
Отхлёбывая терпкий чай
Просидит он напротив
Смиренно
Полсотни лет
С каменеющим лицом
Новым солнцем согретый

А в лесах будут птицы петь
Небеса синеть
Люди вырастут из клетей
Но не выйдут — страшно
Каин выпьет свой чай
И очнётся: Где я?
Я — где?
Но жена тут как тут
Наполняет пустую чашу

* * *

Листья мелькают за окнами сверху вниз.
Птицы — справа налево.
Час уходит. Подгоняет внутри точное время.
Тополь растёт. Научи своей силе, белое дерево.

В брошенных гнёздах живёт тишина.
В небе померкшем ветвей белизна.
Люди прозрачны и редки.
Пламя в груди оживает от ветра.

Светится потусторонний
Кот. Два прыжка — обращается в камень.
С грохотом сыпятся дробно
Спелые жёлуди. Тельца из золота
Лопаются под ногами.

* * *

Старый, сухой, как коряга, с корой из кожи,
он очнулся в палате после многолетней комы.
Смотрит удивлённо на чужие стены.
— О боже, ты меня помнишь?
Пытается голову повернуть в направлении голоса:
круглое восточное лицо, мягкие волосы.
— Где остальные? На улице? Тебя мне мало. —
Вытаскивает ноги из-под одеяла.
— Я твой единственный посетитель,
никого не осталось. — На лице появляется тень.
— А что, люди вымерли?
— Наоборот. В мире новые идолы, и тебя там нет.
Мы долго хранили книги, посты держали,
пели мантры, приносили жертвы.
Мы верили, что ты встанешь. Мы так устали.
Только я не сдался.
— Я тоже устал. Буду спать. Простите.

* * *

Рыбы не знают неба,
им невод — замена рая.
Льдистыми глыбами
в марте река играет.
Трёт ладони
Хóленный морж.
В водной материи
тело — затупленный нож.
В русло втекают люди,
проветривают пальто.
Вроде всё так,
только не то.

* * *

Зная, что время умирает на глазах,
Смеётся весело на улице,
Пробегают опаздывающим ребёнком,
Уходит обиженным человеком,
Что впереди меньше, чем уже пройдено,
Что остывание естественно, но нежеланно,
Хочется упереться в солнце,
Не дать ему уползти и забрать день,
Который не получился.

Чувствуется: времени нет.
Ветка берёзы падает на дорогу.
Небо повернулось серой спиной.
Земля вздыбилась, полетели влажные комья.
Поверх плаща льётся река небесной воды.
Из жёлтых рукавов торчат странные руки:
В одной полусгнивший гриб,
На другой смотрит вверх раздавленный муравей.
Клон дребезжит в луже.

* * *

Когда рукою тронешь, и ничего.
Холод ли, тепло — ничего.
Чужая кожа. Пальцы, как пауки,
Ползут навстречу. Хрупкие бабочки
Взлетают с висков к потолку.
Вдох. Отворачивается многоликий.
Выдох остановившегося на бегу.

* * *

Пьяный торговец браслетами
Поёт «Ла камиса негра»¹.
Девочка с длинными волосами
Кружится, глядя в тучу.
Святые в лучах софитов. Блестят монеты.
Мелькают лики в толпе орущей.
Дотронуться до плеча — повернётся дама.
Прищурится недовольно, уйдёт за веер.
И рвётся из рук четырёхлепестковый клевер
Лететь-лететь на восток, а потом на север.
И ряженные в платья из преисподней,
И жирные голуби с отмирающими крылами,
Собор, раскачанный колоколами,
Актёр, колдующий в пантомиме,
Исчезают, как только звонок случайный
Возвращает в незыблемое сегодня.

* * *

Пустых троллейбусов ангары,
Холодных зданий аватары
И задник неба без луны
Рождают сцену для иллюзий.
Из темноты большие люди
Несут букеты и огни.

А в небе росписью пылает
Комета яркая и злая.
Внутри искусственный покой.
За сколиозными стволами
Мерещится лесное пламя.
Глядит на свет заворожённо
Никем не признанный святой.

¹ “La Camisa Negra” - современная песня колумбийского певца Хуанеса на испанском языке.

* * *

Он обнимает её за плечи,
пытается удержать пространство
и время.
Но трещина между льдами
змеится до светлого горизонта,
растёт в ширину, расползаясь пенной
солёной водой.
Уплывает айсберг.

И только обрывистые разговоры,
виденья, тускнеющие на солнце,
размытые снимки улыбок сонных

несутся по ветру —
теплы, напрасны.

* * *

Следит с площадки детской пара глаз.
Отец прокрался и нырнул в подъезд,
В окне мелькнул, задёрнул занавески.
Когда-нибудь он спросит: Как дела?
Достанет удочки, крючки и леску.
И мы вдвоём поедem на рыбалку.

...Ведро сорвётся. Карпы на траве.
Процедит скупое: Не в меня ты. Слабый.
Я вырасту и буду сильным, папа.
(Вот если б он тонул, то я бы, я бы...)

Согнулась шея, словно от медали.

А рядом не заспорилаcь игра.
Ревёт ребёнок с дальнего двора.
Из окон кличут, что домой пора.
Уходят все. А я — меня не звали.

* * *

В окна врывается ветер. Поёт
в спрятанных комнатах спящего дома.
Ветка скребётся в стекло. Будто сломано
тело, не слушается. Перелёт
сорванных с места, графичных, ссутуленных
птиц закрывает небо и свет.
Воздух беднеет. Сужается улица.
Музыка тихнет, сходит на нет.

* * *

Два брата копают могилу младшему.
Лопаты кусают почву, грызут тело земли.
Один брат роняет веское слово.
Другой поднимает шум.
Остыли. Крики затихли.

Дальше сидят возле ямы,
дымят табаком.
Дым легко летит в небо,
смешиваясь с эфиром.

«Он в гармонии с миром, с богом
и даже с собой», — говорит старший брат.
«А я не приду к нему на могилу, —
злится средний, — таким не место в раю».

Слушая тихо беседу,
бог роняет табачный пепел,
прожигая в небе звезду.

Душа глухая
летит к светящейся точке.
Точка гаснет,
засасывая в темноту.

Виталий Сорокин

РАССЕЯННАЯ ПОЭЗИЯ

* * *

Пусть будут моими гостями
Стаи голодных шакалов,
Я им раздам горстями
Тело своё усталое.

Тело своё из пепла,
Тело своё живое,
А сам уйду незаметно
За уходящей звездой.

Небо глазами собаки
Съедено без остатка...
В сумерках у дороги
Со смертью играем в прятки.

Я спрячусь за дальней звездой
Она за моими плечами,
Мы запечатаем губы
Вечностью и молчанием.

Виталий Сорокин (09.02.1978 – 13.09.2011). Родился в Шымкенте, учился в школе №23, потом в музыкальном колледже. Самостоятельно научился играть на гитаре, позже освоил фортепиано, барабаны, был мультиинструменталистом. Работал журналистом в изданиях «Южный Казахстан», «Южный вариант», художником, композитором (написал либретто для алматинской оперы). Ещё в школе начал писать стихи, музыку, организовывал музыкальные группы. В 18 лет автостопом проехал всю Сибирь и Урал. В г. Алматы основал группу «Альгамбра», с которой в 2002 году выпустил альбом «Пропавшие без вести аэропланы».

* * *

Извините...
Эти нити извне.
Лунная паутина,
Тенистые сны снов осени
Под сенью синей тины.

* * *

Кого вы хотели здесь видеть?
Тебя...
Каким ты будешь завтра,
Когда бессильно заплачешь о себе,
Потерянном во вчера?

* * *

Мой дождь,
Мой зверь, грызущий окна,
Ты скачешь бешено по лицам,
В голодном танце
Дышишь небом.

Тебе юродивый протянет
Заплесневелый ломоть хлеба.
И дети мечутся по клетке
В порыве слиться и исчезнуть.
В тот миг, когда ты станешь кроток,
Ослеплен золотой стрелою.

И в тишине воскресшей тени
Пал плод изъеденный червями...

ОПЫТ РАССЕЯННОЙ ПОЭЗИИ

Я верю в бродячих гимнастов,
И в площадь Звезды.
Пятнам на солнце верю,
Дни стали короче,
И все здесь прозрачно...

Пробежала собака
И унесла глаза мои прочь.
Голоса за спиною становились громче,
А теперь их совсем не слышно...

Я бы хотел уметь
Играть на трубе...
Я бы хотел умереть
В парке, где-нибудь на скамье,

Меж позавчерашних людей.

Теперь вот брожу по задворкам,
Отдыхаю от скуки чужой,
Наверное, я никогда не пройду уже
Этой дорогой.

* * *

Три звезды над морем,
Они не приносят горя.

Над первой волхвы цепенели,
Тщетно искали младенца,
В шелка наряжали сердце
И пели, тоскливо пели.

Вторая звезда-тревога,
Молитвы волков таила,

Травы из рук поила,
Стреле указав дорогу.

Третья звезда — над башней
Купалась в ковшах бездонных
Глаз, в небеса устремленных,
Баюкая мытаря в пашне.

Три звезды над морем,
Они не приносят горя.

СОН №5

Кто пробудит нас?
Кто искру взрастит
В наших безднах?
Кто приподымет
Наши свинцовые веки?
Кто собьет восковые печати
С помертвелых губ?

Блуждая во тьме,
Отогревая дыханьем
Одно из бесчисленных лиц,
Слышишь в ответ
Лишь шелест
Бессильной листвы,
И шорох
Бесчестных часов.
В мягких коконах смерти
Удивленье и смех
При твоём появлении,
А когда ты исчезнешь —
Удивленье и страх.

Вот и ты покидаешь меня,
Потерявшее силу желанье...

ПУСТОТЕЛ

1.

Хочешь,
Кудри мои
До земли станут виться?
Что заплетишь ты в них,
Милая?

Снов соломенных,
Пчел в паутине,
Полные горсти неси.

Всё в моих волосах оставь.

Как мы будем нежны,
Как спокойны.

Но как долго ты, милая,
Так же долго
Я соль отцеловывать стану
С тихих твоих ресниц.

Говорят, очищают сердце
Слезами.
Можешь ли ты заплакать
Когда захочешь?

Слились голоса, похоже,
Кожа змеи дороже.

А вокруг столько смерти, милая,
И я от нее устал

Если нет тебя,
Значит, нет ни песни моей,
Ни следа.

2.

Что сотворить к тебе?
Что без тебя сотворю?

Лишь тело раздам,
А там, лоскутами укроют дыры.

Но слезы, слезы твоей, милая,
Я не увижу.

Пустотел.
Пустотел.
Пустотел.

Хочешь,
Кудри мои
До земли будут виться?
Что ты заплетишь в них,
Милая?

Снов соломенных,
Или,
Шмелей в паутине?

ГЛОРИЯ

Каждую ночь
Ты смотришь в глаза умерших от любви,
Как в приоткрытые двери,
Глория.

Слышишь ли ты голоса этих глаз,
Глория?

Каждую ночь, в моем городе,
От любви умирает мужчина.

Сильный, красивый, насмешливый, праздный мужчина.
Каждую ночь от любви умирает
С улыбкой.
У тебя на руках,
Глория.

Ты спрашиваешь руками
Молчаливо поющие вещи:
— Кто будет у нас сегодня?

Соцветья в саду, и песчинки, и попугаи,
Монеты и водоросли ответят:
— Кто приходил вчера, тот придет и завтра.
Глория.
Меняется только цвет глаз, волос, кожи, зубов.
Меняются запах и смех, всхлипы, походка, морщины.

Только под утро, тот кто пришел,
от любви умирает.
Глория.
Я так долго не спал, что сны, обретая плоть,
Входили в мой дом.

Веселые вдовы, примеряя твое лицо, уводили меня за собой.
Я был с ними долгие-долгие зимы.
Но ни одна из них не смогла
Подарить мне смерть от любви.

И я покидал их жилища.

А те из мужчин, что остались в живых, преступив твой порог,
Пережили себя.
Им осталось лишь узнавать в новых днях
Старых и скучных знакомых.

В движении крыльев, чудится мне обещание
Умереть от любви.

Я выхожу из дома, неслышно, один, на закате.

ТЕОРИЯ

ЛЕГЕНДА О «МУСАГЕТЕ»

Эссе

Я хорошо помню Алматы конца 90-х и начала 2000-х годов. Казалось, что самые тяжёлые времена уже позади, и, наконец-то, начинается расцвет. В городе было очень много творческой молодёжи, и в воздухе просто витали творческие энергии. Вот только создавалось ощущение, что это никому особенно не нужно. Никому, кроме нас. Не было ни творческих школ, ни креативных кластеров, ни издательств, ни конкурсов. Даже интернета ещё толком не было — только книжные магазины и тусовки с гитарами где-нибудь на Арбате.

В то время у меня был друг Илья Семененко. Мы оба стояли у истоков музыкального ансамбля «Фопаджаро», оба увлекались книгами, театром и искусством и оба писали короткие стихи и тексты для песен. Творческие люди притягиваются друг к другу, и вот так однажды к нам притянулась девушка, представившаяся писательницей. Настоящих писателей мы ещё не встречали и потому удивились, принялись подшучивать над ней. А она совершенно серьёзно рассказала нам о том, что в Алматы недавно открылся фонд «Мусагет» — фонд, который занимается поддержкой литературы и, что самое главное, проводит литературные мастер-классы, где начинающих авторов обучают писательскому мастерству. Это звучало невероятно интересно.

Нам до этого и в голову не приходило, что можно учиться быть писателем. Казалось, что писатели — это самородки. Они уже рождаются

Илья Одегов – казахстанский писатель, литературный переводчик, преподаватель писательского мастерства. Автор четырех книг прозы. Лауреат литературных премий «Русская Премия» (2013), «Современный казахстанский роман» (2003). Дипломант Волошинского литературного конкурса (2011). Финалист премии им. Фазилия Искандера (2021). Постоянный автор журналов «Новый мир» и «Дружба народов». Повести и рассказы публиковались в литературных журналах и сборниках Казахстана, России, США и Европы, переводились на английский, немецкий, польский и другие языки. Создатель онлайн-школы писательского мастерства «Литпрактикум». Живет в Алматы.

писателями, а потом просто реализуют самостоятельно свой талант. И вдруг стало понятно, что — а почему бы и нет? Почему бы не попробовать поучиться? К тому же наверняка там можно встретить единомышленников, будущих друзей и подруг. Ну и, в конце концов, мы ведь и так этим увлекаемся.

Чтобы попасть на мастер-классы «Мусагета», нужно было подать заявки — прислать биографию и несколько своих текстов. Помню одно из стихотворений, которое я отправил на конкурс:

*Не вспомнил даже забыть о ней,
Столько всего понаверчено...
Из дерева выпала тень,
День уж клонился к вечеру.
И в качестве новых надежд,
Между волос перемешанных,
На темени выросла плешь —
Так,
Проплешина.*

В общем, мы с Ильей были приняты. С опаской и надеждой пришли на первую встречу, и... всё завертелось. Может быть, сейчас это звучит громко — мол, ого-го! Целый фонд, целая организация, которая занимается обучением писательскому мастерству и поддержкой литературы! А на самом деле фонд «Мусагет» — это была маленькая квартира в старой советской многоэтажке, находящейся очень далеко от центра города, в таком вот сером промышленном районе. Невозможно было предположить, что именно здесь, где-то в этих домах на перекрёстке Абая и Ковалевской, находится центр литературной жизни Алматы. В квартире со своими родителями жила сама основательница фонда и всего-всего с ним связанного — великая и прекрасная Ольга Борисовна Маркова. А ещё вдруг оказалось, что она прикована к инвалидному креслу...

Впрочем, на своём инвалидном кресле Ольга Борисовна восседала, как на троне. Сидела всегда во главе стола, длинными пальцами брала печенье, другой рукой держала миниатюрную чашку с чаем, улыбалась, поглядывала хитро на всех сквозь свои большие очки и тихо-тихо говорила. Казалось, что голос её слаб, но при его звуке все замолкали. Потому что каждое её слово было ценным и острым. Она могла шутить или быть строгой, сиять глазами или, наоборот, погружаться в себя, рационально руководить своей командой или вдруг смотреть на тебя при-

стально и говорить то, от чего по спине бежали мурашки: предсказывать твоё будущее или рассказывать о никому не известном прошлом. Она любила устраивать большие чаепития, проводить магические ритуалы и путешествовать по мирам своего и чужого воображения.

В общем, Ольга Борисовна, конечно, в этом пространстве была абсолютной царицей, и мы глядели на неё с восторгом и обожанием. Силу её влияния на нас всех трудно переоценить.

Вокруг Ольги Борисовны собралась команда энтузиастов, которые участвовали в деятельности фонда, но всё же ядром и сердцем была именно она. И хотя в рамках обучения лекции для нас вели разные преподаватели — и все отличные, яркие, мощные: от Виктора Бадикова и Аслана Жаксылыкова до Любви Туниянц и Кайрата Жанабаева, — но именно практические занятия всегда вела сама Ольга Борисовна. Она читала наши тексты, давала по ним комментарии и предлагала различные практики и упражнения в качестве домашних заданий.

Помню, как на первой же встрече Ольга Борисовна сказала мне и Илье, что уже заранее знала, что мы к ней придём. Сказала и улыбаясь наблюдала за тем, как удивлённо вытянулись наши лица.

Как выяснилось, незадолго до приёма работ на конкурс она была в книжном магазине (что для неё было редкой радостью, так как из-за инвалидности каждый выход в свет становился целым сложным путешествием). И в этом магазине увидела нас с Ильей и «случайно» подслушала наш разговор — то ли о Камю, то ли о Борхесе...

— И я уже там поняла и поспорила сама с собой, что эти двое обязательно придут ко мне на мастер-класс! — смеялась Ольга Борисовна. — И вот вы здесь!

Это сейчас литературными мастер-классами или курсами по писательскому мастерству уже никого не удивишь. Они есть и в Казахстане, и в России, в онлайн-формате и в офлайне. Но в то время это было что-то из ряда вон выходящее. В стране, которая впервые обрела независимость и только-только вставала на ноги, проблемы культуры были далеко не первостепенными. И потому казалось удивительным, что твои попытки ещё такого наивного и дилетантского творчества кому-то нужны, кому-то интересны. И насколько ценным было понимание, что ты не один, что вокруг тебя есть похожие на тебя люди, которым важно то же самое, что и тебе.

Мы все приходили в «Мусагет», как на остров — остров, на котором случалась совершенно другая жизнь, полностью отличная от того, что было за пределами этих стен. И там, на острове, собирались удивительные люди: эксцентричные, яркие, умные, с которыми можно

было поговорить о книгах, о писателях, об искусстве, о картинах. И за этим всем с удовольствием наблюдала Ольга Борисовна.

Конечно, в каком-то смысле «Мусагет» был этакой кузницей талантов. Ольга Борисовна отбирала тех авторов, в которых видела семя одарённости, зерно творческого потенциала. И очень тонко и внимательно помогала вырастить из этого семени цветок или дерево.

И в итоге в «Мусагет» шли и шли всё новые и новые авторы. И вдруг стало понятно, что не только в Алматы, но и за пределами города есть целый большой литературный мир. Ольга Борисовна начала привозить к нам известных писателей, редакторов и литературных деятелей из России, Украины, Узбекистана, а потом и из-за дальнего рубежа — из Великобритании, Франции, Германии, США... И у всех нас была возможность присутствовать на мастер-классах у этих авторов, на встречах с ними и понимать, насколько наша литература и наше литературное видение отличаются от того, что происходит за границей. И это тоже было невероятно круто.

Я только сейчас осознаю, насколько Ольге Борисовне работалось непросто. С одной стороны, пространство, в котором развивался «Мусагет», было не самым дружелюбным. В то время казахстанский Союз писателей воспринимал «Мусагет» с опаской и недоверием. Только отдельные личности — такие, как, например, тот же Виктор Владимирович Бадиков, — понимали значимость деятельности фонда и потому активно поддерживали Ольгу Борисовну. С другой стороны, сам путь обучения был непроторенным: не было каких-то установленных методик, не было понимания, как лучше всего учить творчеству. То есть, по сути, Ольга Борисовна каждый раз изобретала что-то новое. На её занятиях мы пробовали себя и в прозе, и в поэзии, и в драматургии. Таким образом, это был огромный эксперимент, который она ставила на нас — впрочем, к нашему большому удовольствию. И результаты этого эксперимента мы можем видеть сегодня.

Удивительно было наблюдать, как эта слабая, вроде бы, женщина, находящаяся в инвалидном кресле, с её вот этими изящными пальчиками и тоненькими ручками, умудрялась управлять целым миром, наполненным творческими людьми. Наблюдать, как вихрь, который она запустила, становился всё более мощным. Ведь кроме литературных мастер-классов, фонд начал выпускать литературный журнал «Аполлинарий», запустил книжную серию авторов-выпускников «Мусагета». Началось сотрудничество с художниками, появился свой сайт, каждый месяц проводились творческие вечера, а раз в год — региональные ма-

стер-классы для талантливых авторов из других городов Казахстана.

Действительно, целое поколение казахстанских писателей выросло из «Мусагета». Очень многие авторы, которые начали блистать и становиться известными не только в Казахстане, но и за рубежом в середине двухтысячных и позже, были учениками «той самой Марковой».

Помню, например, как на наш мастер-класс пришёл второгодник и футболист Ербол Жумагулов. И именно Ольга Борисовна буквально дала ему возможность увидеть себя в другом амплуа, поверить, что он — поэт, несмотря на то, что пришёл из, казалось бы, совершенно другой среды. А теперь при разговорах о современной поэзии Казахстана имя Ербола Жумагулова неизменно звучит. И он уже вышел за пределы поэзии слов, начав создавать поэзию и на экране тоже.

Или помню, как из Актобе приехала на региональный мастер-класс «подсолнух-девочка»¹ Айгерим Тажи, и как её стихи сразу влюбились в себя Ольгу Борисовну. По сути, именно Ольга Борисовна помогла ей совершить начальные шаги в литературе — от публикации в «Аполлинарии» до издания в книжной серии «Мусагета» первого поэтического сборника Айгерим «БОГ-О-СЛОВ». И сегодня стихи Айгерим читает весь мир — от Нью-Йорка до Гонконга, они переведены на множество языков. Её последняя книга «Бумажная кожа/Paper-Thin Skin» вышла в Америке. Уверен, что Тажи сейчас — один из самых известных поэтических голосов Казахстана.

Многих ещё авторов, вышедших из «Мусагета», можно назвать — поэтов Тиграна Туниянца, Евгения Барабанщикова, Заира Асима или прозаиков Михаила Земскова, Расула Шбинтаева, Елену Клепикову....

Да и мой пример тоже очень показателен. Ведь я пришёл в «Мусагет» как автор стихов, ну или каких-то небольших миниатюр, которые тяготели скорее к поэтической форме. А Ольга Борисовна сначала мягко предложила мне идею попробовать написать рассказ, а потом заметила невзначай, что у меня «романное мышление». И это заставило меня задуматься о том, а не написать ли и правда роман? Не попробовать ли себя в этом? И буквально через два года со своим романом «Звук, с которым встаёт солнце» я стал одним из победителей республиканского конкурса «Современный казахстанский роман». А роман издали отдельной книгой. Это был совершенно потрясающий опыт, потому что в тот момент я впервые в жизни почувствовал, что литература может быть профессией. Что этим можно зарабатывать. Что это не просто хобби. И всё благодаря «ясновидению» Ольги Борисовны.

¹ Цитата из стихотворения Тажи, вошедшего в её первую книгу «БОГ-О-СЛОВ».

Кстати, она и сама была талантливым автором. При жизни у Ольги Борисовны вышло несколько книг прозы. Она публиковалась в литературных журналах и за рубежом, и у нас. Но, как мне кажется, свой литературный талант, свой дар она всё же уводила на второй план, считая первоочередной задачей именно воспитание авторов, возвращение молодой литературы в Казахстане.

А ещё Ольга Борисовна первой начала перекрещивать разные поколения авторов, давать возможность и молодым, и опытным авторам существовать в одном пространстве, обмениваться энергиями. Именно она начала практику проведения литературных конкурсов, чтобы простимулировать интерес к писательству. И это она стала пытаться объединить миры писателей и художников — привлекала современных казахстанских иллюстраторов для оформления обложек и для графики в журнале. А мы в итоге переопылялись внутри этого процесса.

Именно Ольга Борисовна дала нам — начинающим писателям — возможность почувствовать свободу самовыражения в литературе. В то время сильна ещё была советская школа, а Ольга Борисовна одобрила наше желание и дала шанс выйти за её пределы и начать делать то, что нам нравится, экспериментировать с текстом, пытаться выбираться за рамки любых норм. Помню, что когда в 2005 году я впервые оказался в «Липках» на Форуме молодых писателей России и СНГ, то с большим удивлением обнаружил, насколько произведения новых российских писателей отличались от произведений казахстанских молодых авторов. Если там всё чаще писали прозу, близкую по форме к классической и максимально реалистичной: деревенскую, патристическую, бытовую и т.д., то у нас было стремление ломать традиции, экспериментировать, всячески самовыражаться, тяготеть скорее к пост- или даже метамодернизму. И в этом была свобода. Та свобода, которая окрыляет и создаёт условия для новых открытий и нового литературного языка.

Конечно, далеко не все выпускники «Мусагета» стали писателями. Сейчас я, будучи уже сам преподавателем писательского мастерства, понимаю, что многие приходят на курсы не для того, чтобы становиться писателями, а чтобы попробовать реализовать свои творческие способности. Для того, чтобы самому раскрыться. Но так или иначе, всех людей, которые оказывались в поле Марковой, объединяла в первую очередь не цель, а какая-то общая магия, прикосновение к волшебству творчества.

Ольга Борисовна сделала очень многое для того, чтобы укрепить и раскатать казахстанскую литературу. Довести её до состояния, когда

уже появилась критическая масса талантливых и профессиональных авторов — достаточно сильных, чтобы продолжить расти самостоятельно, без её поддержки. И сделав это, она как будто бы выполнила свою миссию. И ушла. Ушла вместе с «Мусагетом», потому что она и была его сердцем.

Ольга Борисовна родилась в декабре и покинула нас в декабре — в первый месяц зимы. И в этом есть, на мой взгляд, что-то символическое. Она словно пришла вместе с зимой, чтобы помочь нашей литературе пережить холода. И, проведя нас через некий цикл, оставила — уже окрепших и способных справиться со следующей зимой.

Удивительно не то, что Ольги Борисовны больше нет, а то, что она вообще была. Я до сих пор поражаюсь её внутренней силе, энергии и желанию жить ради своего дела. Столько людей вокруг неё говорили о том, что не время заниматься литературой, что всё это бесполезно, столько раз «писатели» из Союза писателей и чиновники вместо поддержки буквально отмахивались от её идей. И, тем не менее, именно Ольга Борисовна, сама физически почти беспомощная, прикованная к инвалидному креслу, вопреки всем и всему создала это движение. Собрала вокруг себя начинающих писателей буквально со всего Казахстана. Запустила целую кучу культурных проектов. И притянула к себе уже опытных литераторов, которые начали верить в её идеи. Кто бы тогда мог подумать, что где-то в маленькой квартирке панельного дома на углу улиц Софьи Ковалевской и Абая находится мощное место силы, в котором зарождается новая волна, новый слой казахстанской литературы?

И вот сейчас её ученики получают международные литературные премии, печатаются по всему миру, их работы переводят на другие языки.

Думаю, что и я, занимаясь обучением писательскому мастерству у себя в «Литпрактикуме», просто продолжаю то дело, которое начала Ольга Борисовна. И среди моих учеников тоже уже немало именитых авторов. А кое-кто из них уже сам делится своим мастерством. Процесс, который она запустила, продолжается. Просто зайдите в наши книжные магазины — среди книг казахстанских авторов, лежащих на самых видных местах, будут обязательно книги «детей» Ольги Борисовны, книги её «внуков» и даже «правнуков».

Она была магом. Не знаю, как иначе объяснить чудо, которое она сотворила. Думаю, что и ушла Ольга Борисовна так, как уходят маги — совершив прямую передачу, выполнив миссию и осознавая, что теперь уходить можно с лёгким сердцем.

WØRLD

SADO¹ POEMS

垂直の島

佐渡は浮遊している
両津の港のカラオケバーで
漁師たちが歌う調子っぱずれな声と声のあいだの
真空で無重力な海の静けさのなかに

佐渡への道のりは
火星に行くよりもずっと遠い、もっとも
君がこの世に生を受けた夜よりは近いかもしれないが

佐渡は垂直にある
時間と金は
その中心からまっすぐに墜ちてゆく

二日前、漁師たちはイカの
大漁に恵まれた。子持ちで、透き通った、
太古の水のなかで燃える炎の群れを釣り上げたのだ。

¹ Author's note: Sado is a small island in the Sea of Japan, famous for its gold mine. It has also been known as the place where the dissidents such as Zeami, the founder of the Noh theatre in the 15th century, were exiled. In 1689, Matsuo Basho, a famous Haiku master, tried to visit the island during his long walk called Narrow Road, although he could not cross the sea partly due to the heavy storm. He made one of his best Haiku instead.

Yasuhiro Yotsumoto 四元康祐. Poet, Essayist, Translator. Born in 1959 in Osaka, Japan, Yasuhiro spent most of his writing career outside Japan, first 8 years in the US and the subsequent 26 years in Germany, all the while writing in his native Japanese language. He has published around 17 collections of poetry, 2 novels, and several volumes of translations, essays and literary criticisms. In 2020, Yasuhiro moved his main residence to Tokyo, where he teaches poetry in universities and regularly organizes Poetry Talks Live event in a live house in the Shinjuku district. He is a participant of the Iowa International Writing Program and Hong Kong International Writers' Workshop both in 2023.

今夜、彼らは歌い続けている
屋根を突き抜け、夢よ、銀河に届けとばかりに
声を張り上げて

佐渡は
非人間的な意識が織りなす
黄金のパビリオンだ。シェークスピアが知っていたなら
自分の影絵芝居には
うってつけの舞台だと思ったことだろう

輪のなかの佐渡

佐渡の地図を描く
死んだキツネの記憶をたよりに
もっともそれは、本当はキツネではなく、むしろ
大気であり、陽炎であり、虚無をみつめる
まなざしだったのだが

それらはある大きな循環のなかで
ひととき立ち止まり、いわば存在へと凝固して、
たまたまキツネの
色と形をまとったに過ぎなかった

これらの短い線の連なり、ちょうど川の浅瀬の
小石のそばの渦巻きや、古い扉の鍵穴のまわりに刻まれた
鋭い傷跡のような線は
そいつがサイトウさんの家の裏庭で
鶏たちを追いかけてまわして
彼らの生命エネルギーをふたたび虚空へと
解き放ったときの痕跡である

それではもう一枚、佐渡の地図を描いてみよう。今度は
キツネも鶏たちもいなくなった後の
ある夏の夕暮れに降りしきった雨粒たちの記憶だけをたよりに

彼と島のあいだに

荒海や佐渡によこたふ天の河

一六八九年、夏、
おくの細道を三か月歩き続けてきた芭蕉は
もはやへとへとだった

「この間九日、暑湿の労に神をなやまし、病おこりて事をする
さず。」

彼は今ひたすら海岸沿いに歩きつづけている、海は
いつも彼の右側にあり、その沖合には
金鉾と島流しの島として知られる佐渡の島影が
くっきりと見えている

佐渡へ渡ろうと思えば渡れぬことはなかったが、彼はそうしな
かった

夜になると、頭上の星空が太古の恋人たちの伝説を
語ってくれた。一年に一度、
七月七日の夜にだけ天の河を渡って逢うことが許されるという
織姫と彦星の物語だ

芭蕉は知っていたのではないか、離れることによってこそ
そこへ行くことができるという逆説を
あるいは非知の知や
語らないことによって、語り得ぬものについて語る
秘儀を

すぐ目の前の海に浮かぶこの島は、芭蕉にとっての
「現象の地平線」だったのだ
そこへ行くことを諦めることによってのみ
到達可能な最終目的地

芭蕉はその後ふた月にわたって歩き続けるが、
『おくの細道』のなかで「佐渡」の名に触れるのは
ただ一度この句のなかだけだ

荒海や
佐渡によこたふ
天の河

佐渡の世阿弥

能劇において、死者や非人間的な存在、
たとえば柳の木の精などは
「橋懸り」と呼ばれる通路を通して
本舞台へやってくる

彼らの足取りは
ゴジラのそれに酷似していて
あたかも浮き橋の上で静止しているかに見えるが
それでいて死に物狂いの覚悟である

かつて將軍義満の過度の寵愛を浴びた美少年であった世阿弥は
いまや七二歳、ただひとり途方にくれて
深き海の底からゴジラのごとく
佐渡の浜辺へ歩み出る

まだ生きているのか、もう死んでいるのか？
まわりに誰もいないと自分だけではそれすら判然としない
それともその中間なのか？ 夜明けか
黄昏のように？ あるいは
橋懸りの上の柳の木の精のように？

一四四三年に八十歳で死ぬまで、世阿弥はこのあと九年間生き
延びて
その問いに答えることになる
都のやんごとなき人々にとって、
その名は恐怖と絶望を齎すだけの存在であるこの孤島こそ
彼の本舞台だったのだ。

あら面白や 佐渡の海
満目青山なお自ら その名を問えば
佐渡という 黄金の島ぞ 妙なる²

² 佐渡幽閉中に世阿弥がしたためた小謡曲舞集『金島書』からの引用

SADO POEMS

ZERO DISTANCE

Sado is afloat
On the sea of tuneless and weightless silence
In between the fishermen's voices
Rolling and pitching
In a Karaoke bar at the Ryotsu harbor.

It is much farther to get to Sado
Than to the Mars
Yet closer
Than to the night when you were conceived.

The distance to Sado
Is vertical, time and money
Fall right through the middle of it.

Two nights before, they had caught abundance
Of squids, pregnant and luminous,
Fire in the ancient water,
They sing as if there were no roof
Between their dreams and the galaxy.

Sado,
A golden pavilion
Of the non-human consciousness. Shakespeare
Would have loved it for the stage
Of his shadow plays.

SADO IN THE CIRCLE

Draw a map of Sado
From the memory of the dead fox
Who was not really a fox
But the air, the glare, and the stare into nothingness

Which stopped for a moment
In the middle of its circle, and sort of coagulated
into existence, which happened to have the shape and the color
Of the fox.

Here is a series of short lines, like tiny whirlpools
By the stone in a shallow,
Or the sharp scratches around the old keyhole
As he chased the hens
On the back of Mrs. Saito's house
Setting their life energies
Free again.

Now draw another map of Sado, this time
From the memory of the raindrops in one summer evening
Long after the fox and the hens are gone.

BETWEEN HIM AND THE ISLAND

--- 荒海や佐渡によこたふ天の河

It is the summer of 1689.
Matsuo Basho, the great Haiku master,
exhausted after having been on the Narrow Road for about 3
months,

この間九日、暑湿の勞に神をなやまし、病おこりて事をしるさず。

(In the past 9 days, my nerves have been troubled by the heat and humidity.

I got sick and could not write my journal.)

He is now walking along the coastline, the sea

Always on his right, and the shape

Of Sado, known for its gold mine and the long list of political exiles,

Clearly visible.

He could have visited the island but did not.

At night, the starry sky above reminds him of the ancient legend

About the lovers, Orihime the Vega and Hikoboshi the Altair,

Who were allowed to sail across the Milky Way

And meet with each other only once a year,

The 7th night of July.

He knew the paradox of getting there

Through separation,

And of knowing through the wisdom of the unknown.

Of speaking the unspeakable

By not speaking about it.

Sado, right across the sea, is for Basho

The event horizon of this universe,

The ultimate destination,

Reachable only by letting go.

Basho continued his walk for another 2 months, mentioning

The name of Sado only once in the entire writing

Of the Narrow Road:

The stormy sea.

Lying over Sado,

The Milky Way.

ZEAMI IN SADO

In a Noh play, the dead or other non-human being
Such as the spirit of a willow tree
Come through the covered bridge passageway called
Hashigakari
To the center stage,

Their footsteps strikingly similar
To those of Godzilla,
So slow as if they were motionless on the floating bridge
Yet with deadly determination.

Zeami, once a beautiful boy who got too much affection of
Shogun Yoshimitsu,
Is now 72 years old, alone and at a loss,
On the shore of Sado, like a Godzilla, just stepping out
From the deep sea.

Is he dead or still alive?
It's hard to tell when there is no one to talk to around you.
Or somewhere in between? Like in the dawn
Or in the dusk? Like the spirit
Of a willow tree floating on the bridge?

He has 9 more years, before he dies in 1443 at the age of 80,
To figure that out. Perhaps,
This little island, whose name brings only fear and despair
To the noble people in the capital of Kyoto,
Could be his final center stage.

あら面白や 佐渡の海
満目青山なお自ら その名を問えば
佐渡という 黄金の島ぞ 妙なる

(How wonderful, the sea of Sado!
Everywhere I look, the blue mountains. What's its name?
It is an island of gold, called Sado, so mysterious³)

³ Quote from "Kintousho", a collection of Zeami's short verses written during his imprisonment in Sado.

POEMS

コロナ月十首 (10 TANKA OF THE CORONA MOON)

ドアノブに言葉が一粒付着している
あなたが入ってきたその手で触ったわたしの無言に

生きながら死んでいるのよ
わたしウィルス晴れのち曇り時々滅亡

わたしのジャイアントパンダとあなたの王様ペンギンが
横断歩道でワルツを踊る 何気に息を止めて
私たちがすれ違うとき

街じゅうに落ちている使用済みマスク
屈んで拾って自分の口に押し付けたくなるのは、愛？

瞬間のひとひらのね感染（ルビ・うつ）るのも
その堆積の上で眺める紫陽花

雲という字には魂の欠片があると人は言う
今日の空は雲でいっぱい

雨を見ていると体の奥が溶けてゆきそう
マダココニイルマダココニイル
雨音だけを後に残して

お願い、数えるのはもう止めて死は唯一つのクラインの壺

石垣、ハチの巣、島宇宙
犇めき合いの隙間からそれ（傍点）はヌッと現れる

「命を守ることが何よりも大切です」
ほんとう？ シロの遺影に

塵の降りつむ

10 TANKA OF THE CORONA MOON (コ罗纳月十首)

A particle of a word on the surface of the doorknob.
You came in. You touched my silence with that hand.

*

Being deadly alive.
I am the virus and it will be sunny then cloudy with some
annihilation.

*

My giant panda and your king penguin
dancing a waltz on the pedestrian crossing, as we pass each
other
casually holding our breath.

*

Used surgical masks on the streets all over the town.
What makes me want to bend down, pick them up and press
them to my mouth? Love?

*

So, it's just another petal of a moment that gets you infected.
I am watching the hydrangea from the top of piles of
moments.

*

They say that the Chinese character for cloud 雲 includes a
fragment of soul 魂.
The sky is filled with clouds today.

*

Looking at the rain makes you feel like the core of your body
is melting away
I'm still here I'm still here I'm still.....
leaving behind just the sound of the rain.

*

No more counting, please. Death is the one and only Klein
bottle.

*

Cobblestones, honeycomb, nebula.
It oozes out through the cracks of the thronging masses.

*

“Saving lives precedes anything else”

Is that so? The portrait photo of Shiro our late dog
gathering dust.

オ・モ・テ・ナ・シ (O-MO-TE-NA-SHI)

私はモノクロームな入国管理局員です。
海の果てから来るものは
みんな鬼だと心得て島の操を守ります。

私は国際派の神主です。
英仏独語で祝詞を唱え賽銭は外貨で運用
夢は世界各地の原理主義者と泥んこ相撲とることです。

私はグローバリズムにひとり敢然と立ち向かう盗撮者です。
今やスカートの奥の暗がりだけが
この惑星に残された最後のフロンティア。

私は新米の自殺者です。娑婆のしがらみ振りほどき
山の手ラインに身を翻せば
輪廻の輪のなか未生の自分がワルツを踊る。

私は夢見がちな地震予報士です。
それはきっと来るでしょう。来れば沢山死ぬるでしょう。
さあ吉野家へ行きましょう。

私は多情な検事です。
ガイシャの無念に号泣し、ホシの身の上思いやり
判事の法衣に横恋慕。

私は刹那に潜む放火魔です。
寒空を舐める炎が紙と木で出来たこの国にはよく似合う。
半鐘と野次馬の歓声が生きとし生ける証です。
私はナノミクロンのゴジラです。

口から可愛い放射能吐き散らし分子に蹴躓きながら
あなたの細胞のなかで暴れています。

私は大腸過敏な国家主義者です。
ここは美しい、ここは美しい、ひたすらそう唱えていれば
廁の臭さもバラの香り。

私はもう一人の天皇です。
象徴なんかじゃありません。確たる実体持てばこそ
こうしてパチンコ玉も弾けるのです。

私は悩める言語聴覚士です。
論より情のこの国で言葉って一体なんなんでしょうか。
本当はただ歌ってるだけでいいんじゃないか。

私は僻みっぽい憲法第九条です。
結局私って、あなたの気まぐれな呟き(ツイート)に過ぎな
かったのね。
クリックひとつで上書きなさるおつもりなのね。

私は猫背で近視の易者です。
だから自分で自分の手相を読んでいます。
でも案外そこにこそ時代の縮図が丸ごと全部入ってたりし
て。

私は幻滅について考えている小学生です。
先生は夢の地図を描けと言います
曳かれてゆく牛の眼で。

私は切断された猫の首です。
お辞儀と敬語の裏に隠された憎悪の光を瞳に灯し
文科省の正面玄関前に置かれています。

私はよろめくミセス・ワタナベです。
日銀総裁の迂闊な一言で株価反転自己破産。
個人資産1400兆円はハゲタカどもの腹の中。

私はナニゲなホームレスです。
スマホ片手によさげな人の絶えるざる流れを

まばたきごとに断層撮影しています。

私は耽美的な寿司職人です。
獲れたての命を捌いて、食べる宝石作ります。
夢は店に本物のルノワールを飾ること。

私は集合的無意識の徘徊老人です。
GPSで私の足跡を辿ってごらんなさい。
魂の輪郭が浮かび上がるよ。

私は真夜中のコンビニ店長です。
地球の上にはもう誰ひとり残っていません。
グラドル達に見守られながら私はおでんのツユを足します。

私は真理を追うストーカーです。
もうすぐあの女が改札から出てくるでしょう。
自分が何を隠し持っているのかまるっきり無自覚な足取り
で。

私は9784014400107です。前世は9784014400106でした。
次に生まれ変わったら、匿名的なシフォナプテラ、通称ノミ
になりたいけれど、
やっぱり9784014400108の定めでしょうか。

私は拒食症の歌人です。飽食の世に生まれ
食べる端から吐き出してしまうのは
言葉だかヘドだか。

私は左右対称な理髪師です。
鏡の前で剃刀片手に
正午の時報を待っています。

私は千差万別多彩な顔を持っていますが
本当はただ一人
鏡張りのカラオケルームの真ん中に立ち尽くし

あなたのお越しを待っています。

O-MO-TE-NA-SHI (WELCOME TO JAPAN!)

I am a monochromatic immigration officer.
Considering anyone from overseas as an ogre,
I protect the chastity of this island.

I am an international minded Shinto priest.
I can recite the prayer in English, German, and French, and
invest the money offering in foreign currency deposits.
My dream is to wrestle Sumo in a mud with fundamentalists
from all around the world.

I am a peeping photographer who single-handedly resists
against the globalism.
Don't you know that by now the inside of a women's skirt
Is the last frontier left on this planet?

I am a novice suicide. Breaking loose from the bonds of this
world,
I jumped out of the crowd of commuters in a morning rush,
Only to find another crowd of souls already swarming on the
railroad.

I am a dreamy earthquake forecaster.
It sure will come. Many will certainly die when it comes.
So, let's go to Yoshinoya beef bowl tavern.

I am a passionate prosecutor.
Wailing over the mortification of victims, and sympathizing
with criminals for their life circumstances,
I fall in love with the clerical robe of a married judge.

I am an arsonist who hides in-between the fractions of
moment.
The fire which licks the winterly sky matches well with this
country of paper and wood.

The sound of a fire bell and cheering spectators are the vital signs of this life.

I am a nano-micron Godzilla.
Blowing out petit radiation from my mouth and stumbling
on a molecule,
I go on the rampage in your cells.

I am a nationalist who suffers from irritable bowl syndrome.
It's beautiful here, it's beautiful here, as long as I keep on
repeating so,
The stink of a toilet smells like the scent of a rose.

I am yet another Emperor.
Not just a symbol, you know, but a solid substance.
Otherwise I wouldn't be able to strike Pachinko balls like
this, would I?

I am a speech and language therapist who doubts.
What is language in this country where emotion overweighs
logic?
Shouldn't we rather be just singing?

I am the pathetic Article 9 of the Constitution.
After all, I was nothing but a tweet of your whimsical mind.
You are going to overwrite me with a click, aren't you?

I am a palm reader, round-shouldered and short-sighted.
That's why I read only my own palms.
But perhaps right there you can read everything about this
era.

I am an elementary school boy who thinks about
disillusionment.
Teacher told us to draw the map for our dreams,
his eyes reminding me of a cow on the way to a
slaughterhouse.

I am a severed head of a cat.
My eyes are lit with hatred masked behind a bow and
honorific words,
I am placed in front of ministry of culture and education.

I am Mrs. Watanabe who staggers.
One careless remark by the Governor of the Bank of Japan
caused a market collapse and my personal bankruptcy.
The private assets of 140 trillion yen of this nation are now
in the hands of vultures.

I am an unpretentious homeless man.
Lying at the feet of the pedestrians with smart phones in
their hands,
I beckon the Armageddon.

I am an aesthete Sushi chef.
I make an edible jewel by slicing fresh lives.
My dream is to hang a genuine Renoir in my restaurant.

I am a senile dementia wandering in our collective
unconsciousness.
Follow my footprints by a GPS,
and you will see the outline of a soul popping up.

I am midnight manager of a convenience store.
There is no one left on the earth.
I add the soup to Oden dumplings as the magazine cover
girls watch on.

I am a stalker who follows the truth.
Soon, that woman should appear from the subway ticket
gate,
with those steps which show her total ignorance about what
she hides within herself.

I am 9784014400107. Was 9784014400106 in my former life.
Hope to be an anonymous Siphonaptera, commonly known

as flea, in my next life,
but I know I am destined to be 9784014400108.

I am an anorexia Tanka poet. Born in this age of glut,
I throw up as soon as I take in.
Are they words or vomits?

I am a symmetric barber.
Standing in front of a mirror with a razor in the hand,
I wait for the time signal of noon.

Although I have infinite varieties of faces,
I am in fact all by myself
standing in the middle of a mirror-walled Karaoke room.

Who am I?

足跡 (A FOOTPRINT)

わたしのなかに
雪が降りたい
鶏小屋の屋根につもり
人々がゆきかう道にかくし
高い塔のとがった先をそっとつつんで
わたしのなかに雪が降りたい
美しいものの上にも醜いものにも
ひとしくかかって
おなじ姿勢でうずくまる塚にかえたい
梢のなかの囀り
ささやきとわらいと罵り
日々の奏でるかりそめの音楽を
やわらかな襷に奪いってしまいたい
(だが薪は爆ぜつづけるだろう)
それから町のはずれまであるいて行って
白一面の畑に跪きたい
なだらかな丘をころびまろびつ

雪の下をながれる
真っ黒な水の音がききたい
凍えてもいい
そこにただひとつの足跡が見つかるならば
脆弱さに穿たれた確かさの徴を探して
わたしのなかに雪が降りたい

A FOOTPRINT

Let me snow
upon the roof of the henhouse
upon the road to the market
gently touching that pointing tip of the tower.
Let me snow
upon the beautiful and upon the ugly
changing them into
the same crouching figure,
taking into my silent folds
chirps of the birds
whisper, laughter, and cries
the floating tunes played by the passing days.
(but the firewood... it would go on crackling)
Let me walk
to the edge of this town
and kneel down on the white blanket of the field
Let me listen
for the water, running black, beneath the snow
Let me run, falling, down the hillside.
Freeze me, if you have to
to find the footprint, a sign
of the everlasting
among fragility

Let me please snow inside myself.

Translated from Japanese by Yasuhiro Yotsumoto

SØZDAY

Independent Literary Magazine

Founded in June 2024

Nº1 (02) 2025

SØZDAY is an international literary magazine based in Almaty, Kazakhstan. Published 4 times a year, it features fiction, poetry, essays and translation folios.

Editor-in-Chief: Ilya Odegov

Deputy Editor-in-Chief, International Editor: Aigerim Tazhi

Editors: Vladislav Reznikov, Olga Kapitova

Layout: Dina Abdulkhamid, Dmitriy Pereli

Web: Aleksey Talayev

SMM: Aliya Nurzhanova

Coordinator: Zhanara Alamanova

Cover design: Aigerim Tazhi

Website: www.sozday.kz

E-mail: sozday@sozday.kz

E-mail (for WØRLD section): world@sozday.kz

*The editorial staff is not always able to correspond with the authors. Manuscripts are not reviewed and will not be returned. Authors are responsible for the accuracy and content of the submitted materials. Submissions are assumed to be original and unpublished. The opinions of the author and the editorial board may not coincide. When reprinting any of our materials, a link to **SØZDAY** magazine is obligatory.*

ISSN 3079-8108

**НАШ ЖУРНАЛ — ЭТО НЕКОММЕРЧЕСКИЙ ПРОЕКТ,
НАЦЕЛЕННЫЙ НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ.**

**ХОТИТЕ ОКАЗАТЬ НАМ ПОДДЕРЖКУ?
БУДЕМ БЛАГОДАРНЫ ЗА ВАШ ВКЛАД!**

WWW.SOZDAY.KZ/DONATION

**OUR MAGAZINE IS A NON-PROFIT PROJECT AIMED
TO DEVELOP THE CULTURE AND LITERATURE.**

**WOULD YOU LIKE TO SUPPORT US?
WE WOULD BE GRATEFUL FOR YOUR CONTRIBUTION!**

**ПРИГЛАШАЕМ НАЧИНАЮЩИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХ АВТОРОВ
НА КУРС ИЛЬИ ОДЕГОВА ПО ПИСАТЕЛЬСКОМУ МАСТЕРСТВУ**

«ЛИТПРАКТИКУМ: БАЗА»!

- Обучение сторителлингу
- Реализация таланта
- От 3 до 8 написанных рассказов по завершению курса
- Общение с единомышленниками
- Возможность публикации
- У выпускников курса уже более 50 изданных книг!

Подробности по ссылке: www.ilyaodegov.com/lit_baza

SØZDAY

#1 (02) 2025

Независимый литературно-художественный журнал
Основан в июне 2024 г.

www.sozday.kz

Главный редактор

Илья Одегов

Редакторы

Владислав Резников
Ольга Капитова

Зам.глав.редактора и
редактор межд. отдела

Айгерим Тажи

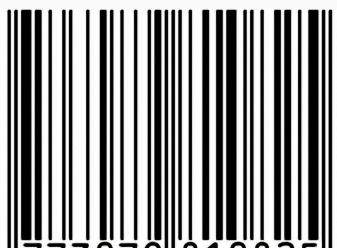
Координаторы

Жанара Аламанова
Анатолий Батомункуев

Веб и СММ

Алексей Талаев
Алия Нуржанова

ISSN 3079-8108

9 773079 810825 >

sozday@sozday.kz

www.sozday.kz